Перед великим праздником

Мы — в преддверии тридцать первой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

Все советские люди готовятся отметить эту торжественную дату новыми успехами на всех участках социалистического строительства. Политический и производственный под'ем, в обстановке которого проходит предоктябрьское соревнование, являет пример подлинного торжества силы и красоты духовного мира советских людей. Так могут работать люди, рожденные Октябрем, воспитанные партией большевиков.

Социалистическое соревнование раскрыло неограниченные внутренние резервы в каждом трудовом коллективе. Миллионы граждан Советского Союза рапортуют Родине, великому Сталину о достигнутых победах и о своих новых обязательствах.

Эти рапорты нельзя читать без глубокого волнения. Сибирь и Белоруссия, Урал и Грузия — все республики, края и области несут свои дары Родине. Вот рапорт Брянской области о досрочном выполнении плана хлебозаготовок. Эта область жестоко пострадала от немецкого нашествия. Немцы хотели превратить ее в зону пустыни. Но край непокоренных людей, верных сынов отчизны, расправил свои орлиные крылья, и опаленная земля щедро вознаградила ее настоящих хозяев.

В водах тихого Дона отражалось пламя горящих станиц и городов. Немцы разрушили гордость сталинских пятилеток — Ростовский завод сельскохозяйственного машиностроения. В нынешние предоктябрьские дни советский народ с гордостью узнал о полном восстановлении Ростсельмаша. Вновь по колхозным полям идут комбайны со знакомой маркой знаменитого завода.

Неустанно работает творческая мысль советских людей. Не затихает борьба за все передовое, новое. В дни, предшествующие Октябрю, наша страна узнала имя главного инженера подмосковной тонкосуконной фабрики «Пролетарская победа» Федора Лукича Ковалева — смелого новатора, инициатора метода массовой передачи стахановского опыта.

Миллиарды сверхплановых накоплений московских партийных и непартийных большевиков растут изо дня в день. Почин москвичей подхвачен всей страной. Только вчера работники совхозов Министерства совхозов СССР обязались дать в 1948 году дополнительно 125.738 тысяч рублей сверхплановых накоплений.

И в этих фактах, как и во множестве других, мы видим живительную силу социалистического строя.

Товарищ Сталин говорил: «Реальность нашей программы — это живые люди, это мы с вами, наша воля к труду, наша готовность работать по-новому, наша решимость выполнить план».

В предоктябрьском соревновании эта решимость выполнить план проявляется с исключительной силой. Организующая, ведущая роль партии Ленина—Сталина принесла замечательные результаты. В сообщении Центрального статистического управления при Совете Министров СССР об итогах выполнения государственного плана восстановления и развития народного хозяйства страны за третий квартал 1948 года мы видим не только цифры побед. В них отражена концентрированная воля каждого труженика, его неустанная забота о дальнейшем росте могущества социалистической Родины.

Победы, одержанные нашей страной, — это победы строителей коммунизма, закаленных в труде и битвах, это победы людей, вдохновленных великим учением Ленина—Сталина, для которых честь и независимость социалистической отчизны — превыше всего.

Сейчас вся страна готовится отметить тридцатилетие ВЛКСМ — праздник советской молодежи, праздник юных патриотов с большой душой и светлыми мечтами. Миллионы советских зрителей смотрят в эти дни фильм «Молодая гвардия»—героическую поэму о советской молодежи, о юношах и девушках сталинской эпохи.

Комсомольцы воспитаны коммунистической партией. Ленинско-сталинский комсомол — плоть от плоти, кровь от крови нашего народа, героической партии большевиков.

Всей своей борьбой, трудом, воинскими подвигами, всем своим существованием комсомол вписал в историю нашей Родины страницы, возвышающие трудовое человечество. Вот лишь один из примеров беззаветного служения молодежи делу коммунизма: 250.000 молодых производственников уже выполнили личные планы послевоенной пятилетки.

Накануне всенародных торжеств страна отмечает 50-летие Московского Художественного академического театра СССР им. М. Горького.

Праздник МХАТ — праздник социалистической культуры. Со сцены этого театра прозвучали неугасимые слова: «Человек — это звучит гордо!» Советские люди восхищаются и гордятся Художественным театром — театром-новатором, театром, раскрывающим правду жизни.

Вдохновенны предпраздничные дни. Радостен и взволнован труд советского человека. Велика его энергия, благородна его цель. Советский человек, перегоняя время, идет в будущее. Он уверен в своих силах. Он знает, что его Родина — во главе всех прогрессивных сил человечества.

Мы живем в такой век, когда все дороги ведут к коммунизму, и ничто не может помешать неодолимому движению советского общества вперед.

В эти предоктябрьские дни советские люди демонстрируют Родине, партии, товарищу Сталину непоколебимую решимость — с достоинством и честью выполнить свой долг перед социалистическим отечеством.

Нарастают темпы, ширится народная инициатива, продуктивнее становится труд миллионов

Каждый день, приближающий нас к Октябрьской годовщине, свидетельствует о могучем революционном энтузиазме людей Советского государства, решительно и твердо идущих к своей заветной цели — к коммунизму!

Приветствие советских писателей Людмилу Стоянову

В день, когда болгарская демократическая общественность отмечает Ваше шестидесятилетие и сорокапятилетие Вашей литературной деятельности, советские писатели с благодарностью вспоминают ту большую работу, которую проделали Вы для укрепления связей прогрессивных писателей Болгарии с советскими писателями. Ваши переводы русских классиков и советских авторов служили великому делу взаимного сближения наших литератур, делу сближения болгарского народа с народом русским и с другими народами СССР. Мы помним, что и в мрачные годы фашистской реакции в Болгарии Вы мужественно поднимали голос писателя-гражданина в защиту Советского Союза, в защиту мира, подлинной демократии и культуры. Вашими стихами в годы второй мировой войны болгарский народ перед лицом фашистских захватчиков заявил: «Союза мы хотим с тобой, Москва».

Мы желаем Вам, наш друг и товарищ Стоянов, здоровья и сил для успешного продолжения творческой работы и борьбы на благо народа свободной Народной республики Болгарии в интересах международного мира, демократии и прогресса, за счастье человечества.

Александр ФАДЕЕВ, Константин СИМОНОВ, Александр КОРНЕЙЧУК, Николай ТИХОНОВ, Всеволод ВИШНЕВСКИЙ, Якуб КОЛАС, Борис ГОРБАТОВ, Леонид ЛЕОНОВ, Анатолий СОФРОНОВ.

МАРШАЛЛ В АФИНАХ

По древнегреческой легенде, дочери царя Даная — Данаиды были обречены вечно наполнять водой бездонную бочку.

Рис. Бор. ЕФИМОВА.

БЕЗДОННАЯ БОЧКА АФИНСКОГО «ПРАВИТЕЛЬСТВА» ГРЕЦИИ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 84 (2467) | Среда, 20 октября 1948 г. | Цена 40 коп.

Зримые черты коммунизма

Сошлись они все трое в один домик к левше, двери заперли, ставни в окнах закрыли... и начали работать.

День, два, три сидят и никуда не выходят, все молоточками потюкивают. Куют что-то такое, а что куют — ничего неизвестно.

Н. ЛЕСКОВ. «Левша».

Мне удается сваривать и нержавеющую сталь толщиной в один миллиметр. В этих случаях я пользуюсь аустенитовыми электродами. И тут решающую роль играет большая скорость.

Рассказ электросварщика-стахановца А. КОМАРОВА.

Николай АТАРОВ

1.

В предместье старинного города на Балканах со мной подружился болгарин-кожевник, к которому меня поставили на квартиру. Помню, в каждом дворике предместья была маленькая мастерская, всюду пахло дублеными кожами. Каменные плиты над горным потоком, цветы, виноград, а рядом кислые чаны и какие-то колеса у самой воды.

В те дни я внимательно приглядывался к тому, как живут люди в чужом мире. Хозяин был человек уважаемый, превосходный мастер, вроде лесковского левши. Соседи с нашей легкой руки уже прозвали его стахановцем. Он был общительный мужчина. Мы допоздна вели беседы, я рассказывал, что приходило в голову, о нашей советской жизни, о трудовой совести наших людей.

Перед моим отбытием зашел у нас разговор о тайнах ремесла.

— В чем твоя сила, Атанас? Почему ты мастер лучше других?

Он медлил, соображая, видимо, вернусь ли я еще когда-нибудь или расстаемся навсегда. Потом он подошел к старинной шкатулке, отворил замок под мелодичную музыку. Еще помедлил, извлек затрепанную книжонку и дал мне в руки. Студенты в наших химических институтах и мастера на заводах хорошо знают этот советский учебник кожевенного дела. Автор—профессор Завадский. Но как попала сюда, за границу, в горную глушь, советская книжка?

— Это моя сила, — сказал Атанас. — Только не разгласи, прошу.

— И ты никому ее не давал почитать?

Кожевник посмотрел на меня, как на сумасшедшего. Уж это-то я хорошо запомнил. Я, в самом деле, упустил из виду, что у этой советской книжки, залетевшей сюда,—своя судьба. Там, на родине этой книги, она раскрыта для всех. Там Атанас был бы знатен, если бы обучил весь поселок работать по этой книжке, если бы все его соседи, с которыми он по вечерам играл в кости, знали его секреты и работали в его силу. Но здесь этот обыкновеннейший учебничек с правилами обработки, методами выделки, рецептами дубления был средством его борьбы за кусок хлеба, орудием личной выгоды на рынке, священной собственностью, которую вместе с кислыми чанами и колесами можно передать по наследству сыну. И он оберегал свою могущественную тайну под секретным замком с музыкой. Музыка была очень сентиментальная, немецкая. Помню, как меня разозлила эта музыка.

2.

Неожиданно вспоминаешь обо всем этом, читая газетные сообщения Центрального статистического управления об очередных итогах всенародного соревнования в третьем квартале сорок восьмого года. В легко обозримой колонке цифр заключены разум и труд миллионов людей — металлургов, угольщиков, железнодорожников, электриков, кожевников...

Странно подумать, что сейчас, когда я ночью пишу эти строки и по всей стране вокруг меня трудятся в ночную смену огромные коллективы советских заводов, железных дорог, рудников, электростанций, существует еще на земле дикий и несуразный «порядок жизни», где выгода уродует талант, где нищета творцов соседствует с созданным ими богатством, где простое профессиональное умение — точно запор с хитрым секретом на дверях личного благополучия.

Тысячи обманов, подлостей, уловок придуманы там, чтобы разобщить человеческий опыт. Самые изощренные хитрости дезинформации и секретничества освящены идиотским законом. «За разглашение» — в тюрьму, как за воровство! Талант запатентован. Самая новизна становится частной собственностью, она эксплоатируется на фабричном дворе под охраной закона.

Все — тайна, все — фабричный секрет, на всем — клеймо собственника: как бросать невода в море и как загружать печь шихтой, как валить лес и как воздвигать стены. И чтобы владеть этим секретным знанием, ради этого терпят в детстве побои, пресмыкаются перед хозяином, женятся по расчету, предают, вымогают, клевещут.

Но вот на столе передо мной пачка писем, пришедших сегодня в адрес «Литературной газеты». В конверте — маленький пакетик из тетрадочной обложки, в нем — горстка семян. И сопроводительная записка:

«Дорогой товарищ редактор!

Это — семена не пшеницы, а ячменя! Колхозница Анна Васильевна Стрежнева (колхоз «Знамя труда» Верховажского района Вологодской области) сама вывела этот сорт. В посевах яровой пшеницы у нее оказались колосья ячменя. На семена она отсеяла самое крупное зерно. На следующий год у нее более чем на половину вырос ячмень. Но когда она обмолотила, то семена оказались крупные и совершенно голые, казалось, не ячменные. Теперь у нас растет чистый голосемянный ячмень. Урожай может быть до 250 пудов с га. В колосе — до 57 зерен. Я убежден, что семена этого ячменя надо переслать на опытную станцию и закрепить урожайный сорт голосемянного ячменя для северных областей».

Так пишет учитель сельской школы.

Много дней идут со всей страны письма на имя Борткевича, мастера скоростного резания металла. Пишут технологи, токари. Пишет Гордеев из Сормова, из знаменитой семьи потомственных рабочих.

Вот письмо из Баку:

«...на очередной беседе я прочел очерк «Герой нашего времени», посвященный Борткевичу. Товарищи из инструментального цеха машиностроительного завода им. Л. П. Берия выслушали с особым вниманием. От имени стахановцев-токарей Воронкова, Кузнецова, слесарей Агабалаева, Аванесова разрешите узнать:

1. Какую геометрию резца избрал токарь Борткевич при скорости резания 700 метров? Изобразите на чертеже.

2. Каков химический состав резца?

3. Каким способом охлаждаются резец и обрабатываемая деталь?

Я уверен, что товарищ Борткевич на страницах «Литературной газеты» поделится опытом, потому что метод скоростного резания должен стать достоянием патриотов нашей Родины.

Мастер М. Звягин».

Что тут превосходно? Да именно эта проходная фраза: «Я уверен, что Борткевич расскажет...» Бакинский инструментальщик, не задумываясь, написал ее, как, не задумываясь, написал и учитель Верховажской школы свое — «я убежден».

Разве личное великодушие Борткевича имеют в виду бакинцы? Нет, великодушна сама система жизни, потому что всенародное «разглашение» опыта она производит ежедневно, распространение нового — повсеместно. Даже самая механическая работа у нас становится творческой благодаря передаче опыта. Она превращается в государственное дело и что-то изменяет по всей стране.

Этого еще никогда не бывало на земле!

Вообразите себе брабантских кружевниц, которые вдруг собрали бы валансьенских, венецианских и наших вологодских девушек, чтобы раскрыть им тайны своего волшебного мастерства.

Вообразите себе бригаду детройтовских рабочих, как они сели за стол, эти американцы, в свободный час и пишут письмо в Париж, сообщают французам, что надо предпринять, чтобы на заводе «Рено» улучшить технологию, ускорить выпуск автомобилей. Нет, не свободны так поступить сегодня детройтовские рабочие! Границы их человеческого достоинства, их права считать себя людьми, границы, в пределах которых они могут двигаться друг другу навстречу, навыручку, определяются законом их общества, как граница двух полосок земли определяется межевым столбом.

3.

Подобно тому, как тысячи капканов и цепей создал капитализм, чтобы заковать творческий опыт человечества, так тысячи форм распространения передового опыта рождаются повсюду на советской земле.

Меньше года назад, как начались «стахановские вторники». Теперь это уже и среды и четверги, все дни недели. Почин превосходного дела принадлежит газете «Труд», но он подхвачен и «Рабочим краем» в Иванове, и «Восточносибирской правдой» в Иркутске, и «Большевистским знаменем» в Одессе, и «Ленинской Шатурой».

В рабочем клубе собираются в свободный час стахановцы многих заводов — послушать лучшего, передового рабочего. На сцене — станок и инструменты, диаграммы, схемы маршрутов. Триста-четыреста человек стараются не пропустить ни слова. Люди, волнуясь, записываются в прения. Идет беспощадная критика! Завтра она продолжится в переписке. И люди снова вглядываются в руки каменщика, который тут же, на сцене, молниеносно выкладывает стену, так быстро, что вот он еще виден по пояс, вот уже—только по грудь, а вот и скрылся с макушкой под бурные товарищеские аплодисменты.

В другом клубе люди у под'езда оглядывают грузовик, обыкновенный грузовичок, прошедший в хозяйских руках стахановца-шофера без ремонта двести тысяч километров.

В третьем клубе закройщики кожи разглядывают тончайшую сеть отходов, точно кружево — все, что осталось от куска кожи после ее раскроя знаменитой, самой лучшей в стране мастерицей.

Что это? Как это назвать? Лекцией? Производственным совещанием? Состязанием мастеров? Рабочие цитируют собственные книги. Их слушают директоры предприятий, министры, ученые.

И это — зримые черты коммунизма.

С тех пор, как тринадцать лет назад на обувной фабрике «Парижская Коммуна» возникла первая в мире стахановская школа, огромное народное движение, вдохновленное и возглавленное партией большевиков, партией новаторов, увлекло миллионные массы трудящихся. Передовики шефствуют над отстающими. Сила примера действует из бригады в бригаду, из цеха в цех, из одной отрасли промышленности в другую. В Ленинграде лекальщик Брюханов открывает районную стахановскую школу. В Алапаевске лесоруб Синешов реконструирует бензомоторную пилу, и завод принимает его новую конструкцию в производство. На Верхне-Исетском заводе прокатчик Алексеев находит способ удвоить производство листа, уничтожает, таким образом, в масштабах целого завода разрыв между производительностью мартенов и сталепрокатного цеха. А в это время в Ленинграде, на заводе «Линотип», возникает уже межзаводская школа стахановцев!

4.

Новое принадлежит государству, всему народу.

Творчество каменщиков, ткачих, диспетчеров, раклистов, кондитеров становится всенародным достоянием. Но именно этот государственный масштаб каждого личного успеха бесконечно увеличивает чувство собственного достоинства нашего человека и обогащает его личный мир.

— Не надо нагибаться у станка,—подсказывает мастер Монахов с Подольского механического завода. И вот тысячи людей по всей стране поднимают с цементных полов ящики с деталями и устанавливают их на тумбочках вровень с работающими руками.

—Я совмещаю три операции в одной,—говорит тбилисский кузнец Константин Илуридзе, и его новшество, — он, может быть, и не подозревает об этом,—распространяется до самого Белого моря и до границ Китая.

— Я работаю десятью пальцами и не глядя на клавиши, — поясняет московский линотипист Евгений Хлусов, и в типографиях страны его товарищи по профессии начинают ревниво приглядываться к привычной работе своих рук.

— Я удлинил бар на врубовой машине, производительность поднялась с 3.500 тонн угля в месяц до 13.000 тонн, — рассказывает в Сталино знаменитый шахтер, лауреат Сталинской премии Герасим Запорожец, и его опыт обдумывают врубовые машинисты на сотнях шахт Юга и Востока.

Республики помогают друг другу.

Вот приезжает в гости в юбилейные дни на Украину знаменитый рисовод Джакаев. Его обступают украинцы: «Что-то неважно у нас пока с рисом. Мы пошлем к тебе наших людей, а ты их там у себя поучи...»

Русские инженеры-гидротехники воспитывают узбекских ирригаторов на стройке Катта-Кургана. Бурильщики азербайджанцы учат башкирских нефтяников.

Но теперь еще шире: страны народных демократий включаются в этот беспримерный оборот знаний. Тульский шахтер Борискин едет в Болгарию и обучает там шахтеров Перники, родных братьев моего друга Атанаса, у которого еще три года назад секретная книжка раскрывалась только под музыку. Чехословацкие крестьяне едут в совхоз «Караваево» за Кострому поучиться мичуринскому животноводству.

Что же удивляет наших славных гостей — простых тружеников Европы, когда они внимательнее приглядываются к нашему образу жизни? Их поражает одна черта, мало заметная для нас, непостижимо значительная для них: желание отдать свой опыт равносильно у нас желанию воспринять опыт. Не в гармоническом ли тождестве этих двух желаний секрет огромного ускорения технического и научного прогресса социалистического общества?

Ведь, в сущности говоря, социализм это и есть человечество в его самом вдохновенном, самом творческом состоянии! Это предвидел Владимир Ильич Ленин, когда в один из мартовских дней восемнадцатого года диктовал на стенограмму гениальный набросок своей статьи об очередных задачах советской власти. Он мечтал, заглядывал вперед, в наши дни, говоря о насущных вопросах. «Придавленные капиталистическим строем, — диктовал он стенографу, — мы не можем в точности даже представить себе в настоящее время, какие богатые силы таятся в массе трудящихся, в разнообразии трудовых коммун большого государства, в интеллигентских силах, которые до сих пор работали, как мертвые безгласные исполнители предначертаний капиталистов, какие силы таятся и могут развернуться при социалистическом устройстве общества».

И вот они развернулись, — да еще как! — эти творческие силы народа. Каждый день, из года в год, мы читаем в газетах священный для всех советских людей адрес: «Москва, Кремль, товарищу Сталину». Это адрес всех обещаний вдохновенного труженика-народа, адрес всех его славных победных рапортов.

И в этом мы видим зримые черты коммунизма!

К 50-летию МХАТ им. М. Горького

ВО ВСЕСОЮЗНОМ ЮБИЛЕЙНОМ КОМИТЕТЕ

Всесоюзный комитет по проведению 50-летнего юбилея Московского Художественного академического театра СССР им. М. Горького утвердил план юбилейной декады МХАТ. Декада откроется 23 октября постановкой пьесы «Победители» Б. Чирскова. Затем зрителям будут показаны «Мертвые души» Н. Гоголя, отдельные акты из спектаклей «Царь Федор Иоаннович» А. Толстого, «Вишневый сад» А. Чехова и «Любовь Яровая» К. Тренева, премьера спектакля «Зеленая улица» А. Сурова, «На дне» М. Горького, «Последняя жертва» А. Островского, «Глубокая разведка» А. Крона, «Три сестры» А. Чехова, «Враги» М. Горького, «Женитьба Фигаро» П. Бомарше и «Анна Каренина» по Л. Толстому.

* * *

Комитет утвердил программу торжественного заседания, которое состоится 27 октября. С докладом «50 лет Московского Художественного театра» выступит председатель Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР П. И. Лебедев. После торжественной части состоится большой концерт «Мастера советского театра — Московскому Художественному театру».

* * *

Юбилейный комитет пригласил в Москву на празднества свыше 50 виднейших деятелей искусств страны.

ТВОРЧЕСКИЕ ОТЧЕТЫ

В дни подготовки к юбилею артисты МХАТ совершили поездки в Ленинград, Тулу, Ярославль, Горький, Орехово-Зуево, Сталиногорск. Состоялись творческие встречи артистов Художественного театра с рабочими и инженерно-техническим персоналом предприятий столицы, партийным активом Москвы, студенчеством, школьниками, участниками Всесоюзного смотра театральной самодеятельности, с театральной общественностью. Большой вечер, посвященный 50-летию МХАТ, проведен в Центральном доме литераторов.

В адрес театра ежедневно поступают многочисленные приветствия от трудящихся Советского Союза.

ВСТРЕЧА С ПИСАТЕЛЯМИ

18 октября в филиале Московского Художественного Академического театра им. Горького состоялась встреча писателей с коллективом МХАТ. Московские писатели приветствовали славного юбиляра, чье 50-летие на-днях будет отмечать вся страна.

Вечер открыл Константин Симонов. С докладом «МХАТ и советская драматургия» выступил П. Марков. Охарактеризовав работу театра в советский период, докладчик подчеркнул тесную связь МХАТ с советской литературой, огромную роль, которую сыграла в творческой жизни театра советская драматургия.

Вс. Иванов, А. Корнейчук, А. Крон, С. Маршак поделились воспоминаниями о своей работе во МХАТ, впечатлениями от любимого театра.

От подшефной Военно-воздушной инженерной академии им. Жуковского горячую благодарность коллективу Художественного театра передал заместитель начальника академии генерал-лейтенант В. Иванов.

А. Софронов передал артистам театра подарок от писателей — библиотечку избранных произведений советской литературы.

С ответным словом от коллектива МХАТ выступил народный артист РСФСР В. Топорков.

На вечере были показаны отрывки из советских пьес — «Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова, «Земля» Н. Вирты, «Любовь Яровая» К. Тренева, «Платон Кречет» А. Корнейчука, «Страх» А. Афиногенова, «Дни Турбиных» М. Булгакова, «Офицер флота» А. Крона, «Дни и ночи» К. Симонова.

КНИГИ К. С. СТАНИСЛАВСКОГО и Вл. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО

Издательство «Искусство» выпускает к 50-летию Московского Художественного академического театра СССР им. М. Горького ряд юбилейных изданий, в том числе труды основателей театра. Уже вышел из печати первый том книги К. С. Станиславского «Работа актера над собой»; на-днях выходит второй том. Готовится к печати книга Вл. И. Немировича-Данченко «Статьи и речи о театре». Выпущена из печати книга Л. Малюгина «Н. П. Хмелев».

Издаются 13 иллюстрированных брошюр, посвященных юбилейным спектаклям, и 11 брошюр о народных артистах СССР — мастерах МХАТ. Готовится к изданию большой двухтомный альбом, а также мемуары и монографии, посвященные Художественному театру и его деятелям.

По Советскому Союзу

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

◆ **Ленинград.** Открылся пятнадцатый клубный сезон в Доме писателя имени Маяковского. В день открытия с чтением новых стихов выступил Константин Симонов. Намечены творческие вечера писателей Москвы, Ленинграда и братских республик, встречи с деятелями науки и искусства, лекции по марксистско-ленинской эстетике, философии, биологии. Открыта консультация в помощь писателям, изучающим марксистско-ленинскую теорию.

◆ **Новосибирск.** Около ста читательских конференций состоялось в школьных библиотеках и клубах города в связи с подготовкой к 30-летию ВЛКСМ. Юные читатели обсудили книги советских писателей, повествующие о героических подвигах молодежи в годы гражданской и Великой Отечественной войны.

◆ **Ворошиловград.** Литературные вечера, посвященные молодежи, проводит городское литературное об'единение. К юбилею комсомола выходит из печати новый сборник стихов украинского поэта Николая Упеника «Дорога в степи» и первый сборник произведений воспитанника комсомола — поэта Степана Бугоркова о роли молодежи в возрождении всесоюзной кочегарки.

В ближайшие дни выходит в свет сборник очерков и стихов о прославленных в войне и в труде знатных донецких комсомольцах.

◆ **Житомир.** В сельских лекториях области организованы «Мичуринские чтения». С лекциями выступают агрономы и учителя биологии. Уже прочитано свыше ста лекций о Мичурине, Вильямсе и Лысенко.

◆ **Актюбинск.** Школа живописи открыта при клубе завода ферросплавов. В числе учащихся — токарь Д. Мазанка, слесарь Н. Новицкий и другие рабочие и инженеры. К юбилею комсомола заводские художники готовят выставку, на которой будет представлено свыше ста работ.

Накануне 31-й годовщины Великого Октября

Е. СТРОГОВА

Каскад Севана

Самолет летит из Тбилиси в Ереван. Воздушная трасса пролегает над высокими хребтами Малого Кавказа. С высоты птичьего полета горы кажутся покрытыми темнозеленым плюшем. И вдруг из-под левого крыла самолета вас ослепляет совершенно сказочная сапфирная синева. Это — озеро Севан. Оно раскинулось на десятки километров в длину и ширину, вознесенное высоко в горы, к вершинам Гюнейского хребта.

Самолет вдруг ныряет вниз и проносится прямо над озером. И всем бросается в глаза резкая белая полоса на скалистых берегах—как будто кто-то провел белилами удивительно ровную кайму, чтобы еще резче подчеркнуть синеву севанских вод.

Это — след известковых отложений, оставленный озером, уровень которого инженеры опустили за последние тринадцать лет почти на три метра. Эта полоска — свидетельство титанической деятельности человека, научившегося управлять природой.

Имея поверхность 1400 квадратных километров, Севан испаряет ежегодно больше 1.200 миллионов кубометров драгоценной влаги,—то-есть всю воду, которую несут с гор 28 впадающих в озеро рек, да еще часть осадков. Как подсчитали в Армянской Академии наук, из каждых 13 кубометров воды, попадающей в Севан, 12 кубометров это озеро-растратчик испаряет самым безрассудным образом.

Вместо того, чтобы испарившуюся из Севана воду пролить на потрескавшуюся, иссохшую землю соседней Араратской котловины, расточительная и слепая природа пускает эти испарения буквально по ветру; ветры подхватывают их и уносят куда-то за горы, за Каспийское море.

Крестьянский сын, уроженец Араратской долины Манасерян поклялся во что бы то ни стало добыть воду для своего народа. За несколько лет до революции он выдвинул чрезвычайно красивую, технически смелую и совершенно оригинальную идею. Надо «раскупорить» озеро, выпустить из него часть воды, использовать ее для орошения и энергетики. Когда уровень воды понизится на 55 метров, основная часть озера, так называемый Большой Севан, вовсе прекратит существование — дно его выйдет из-под воды. Останется только глубокий Малый Севан. Зеркало озера уменьшится, и количество испарений сократится в несколько раз.

Из озера вытекает одна единственная река со звонким именем Занга. Через много лет, когда не станет Большого Севана, сотни миллионов кубометров неиспаренной воды ринутся в русло Занги. Но это будет, в сущности, уже совсем другая — бурная, многоводная река, созданная блестящей мыслью и трудом человека.

Такова была идея Манасеряна, ныне уважаемого советского ученого.

Судьба севанской проблемы была решена, когда Владимир Ильич Ленин на VIII с'езде Советов произнес слова, в которых в предельно сжатой форме была намечена целая программа построения коммунистического общества в России: «Коммунизм — это есть советская власть плюс электрификация всей страны».

Потребовались годы, чтобы первоначальная идея Севанского каскада воплотилась в реальный технический проект, осуществляемый в наше время.

Кто знает, что может натворить перед своей гибелью это озеро, когда его начнут спускать? В Америке весьма опытные инженеры раздразнили реку Миссисипи и не сумели оседлать ее. Хотели всего-навсего выпрямить ее русло. И выпрямили. Только река не пожелала воспользоваться услугой людей. Она просто-напросто сбежала: прорыла себе новое русло, а человеческие сооружения оставила в стороне.

Вокруг Севана выросли новые научные учреждения. Из Москвы и Ленинграда приезжали крупные ученые. Пять лет на озере работала комплексная экспедиция Академии наук СССР под руководством академика Ф. Ю. Левинсон-Лессинга. Она выпустила три толстых тома трудов. Севанское гидрометеорологическое бюро издало восемнадцать книг своих наблюдений.

Заместитель главного инженера «Севанстроя» тов. Л. Джаракян сообщил корреспонденту «Литературной газеты»:

На всех участках Севанского строительства чувствуется напряжение предпусковых дней. Работы идут днем и ночью. На водоприемнике и подводном канале вынимают последние кубометры породы. Бетонщики вслед за проходчиками облицовывают стены; монтажники заканчивают сборку щитов.

Через водонапорный тоннель вода будет сбрасываться с высоты 60 метров. Это увеличит скорость течения до 30 метров в секунду—в 3—4 раза по сравнению с течением самых быстрых высокогорных рек. Чтобы сдержать стремительный напор воды, нами создан так называемый гаситель — специальный железобетонный колодец, внутренняя часть которого облицована металлом. Монтажники сейчас заканчивают последние приготовления к испытанию гасителя и механизмов регулирования потока воды.

После гасителя вода через игольчатые затворы снова пойдет в подземный тоннель длиною в несколько километров. Строительство тоннеля закончилось. По нему уже текут грунтовые воды.

— Сейчас, пока идет выемка последних кубометров породы, укладка последних кубометров бетона, монтаж и опробование механизмов, водолазы опускаются на дно озера и под водой рубят скалистую перемычку, отделяющую севанскую воду от тоннеля.

До окончания строительства Озерной станции осталось несколько дней.

Какого размаха это были работы! В них участвовали сотни людей, целые отряды ученых. Для составления карты глубин озера потребовалось сделать, например, около 60 тысяч специальных замеров. За границей писали с уважением:

— Севан — это самое изученное озеро в мире.

Ученые установили: да, вековых запасов озера хватит для того, чтобы напоить водой Араратскую котловину, покрыть ее виноградниками, персиковыми, абрикосовыми и миндальными рощами. Спуск озера должен растянуться на 50 лет. А когда озеро «сработается», вступят в оборот сотни миллионов кубометров спасенной воды, которой человек не даст больше испаряться.

Севанскими водами можно оросить 200 тысяч гектаров, — подсчитали ученые. Чтобы освоить такие массивы новых земель, придется расселить на нынешних пустынях больше миллиона человек. Кроме того, на дне озера, в Севанской чаше, запрятано еще сто тысяч гектаров плодородных земель, которые постепенно выйдут из-под воды.

Севанское озеро расположено на высоте около 2000 метров над уровнем моря. Араратская долина лежит ниже озера на тысячу метров. На этой разнице уровней создается целый каскад гидростанций.

А там, где изобилие дешевой энергии, естественно, расцветает промышленность.

Уже много лет, как начали работать Канакиргэс и канал имени Сталина — первенцы Севана. Готовятся к пуску другие сооружения каскада. А ученые продолжают работать над решением все новых и новых загадок, которые ставит перед ними озеро.

Озеро опустилось меньше, чем на три метра, но уже взбунтовались впадающие в него реки: они стали «бродить», менять русла, наносить отмели, заболачивать берега. Ученым приходится учинять буквально слежку за озером, за каждым его капризом, за каждым вздохом. Требуется немедленное вмешательство человека, надо на ходу выправлять русла, рыть каналы, дренировать болота.

На страницах республиканской газеты «Коммунист» в Ереване армянские ученые обсуждают сейчас вопрос о том, как лучше всего использовать новые земли, выходящие из-под воды озера.

Севанское строительство стало одной из самых смелых и блистательных строек сталинской эпохи. Развернуть такой поразительный фронт работ может только страна, построившая социализм, страна, где производительные силы развиваются ускоренным темпом, ибо их ничто не сковывает, им ничто не мешает, а «соответствующие им производственные отношения дают им полный простор для такого развития» (Сталин).

По следам нашего севанского проекта за границей была выдвинута Средиземноморская проблема, суть которой — также в сокращении расточительных испарений и комплексном использовании энергии вод. Предложено было закрыть Гибралтар, оставив только нитки шлюзов для прохода судов, снизить уровень моря на двести метров, высвободить 660 тысяч квадратных километров полезных земель, создать электростанции общей мощностью 120 миллионов киловатт.

Но сегодня — это не больше, чем тема для фантастических романов. Подобные гигантские по размаху работы не под силу не только отдельным капиталистам, но и капиталистическим странам.

* * *

Много лет мне хотелось своими глазами посмотреть на севанское строительство.

Надо было спешить на озеро Севан, на головное сооружение, чтобы успеть увидеть тоннель в несколько километров длиной и подземные работы: скоро здесь будет вода.

Я спустилась на 100 метров под землю и увидела стены первой в Советском Союзе подземной гидростанции.

Здесь, на глубине 100 метров, будет как бы гигантский кран озера Севан, состоящий из двух затворов для регулирования подачи воды на весь каскад. Вода должна хлынуть под землю, к затворам, когда водолазы снимут узенькую земляную перемычку, отделяющую стену севанской воды от подземных тоннелей.

Подземные турбины на Озерной ГЭС — тут же, рядом с затворами, — заработают в будущем году. Уровень озера начнет теперь понижаться в среднем сантиметров на 80 в год, значительно скорее, чем до сих пор.

Я побывала в Араратской долине в районах, подкомандных новому Нижне-Зангинскому каналу. Я видела истомленные жаждой, голые земли, спаленные солнцем и усыпанные огромными камнями. Их никогда не трогала рука человека. И вот, впервые в нынешнем году земли эти получили воду из озера Севан. Я видела вывороченные плантажным плугом тысячелетние слеглые пласты, вспоротые на глубину 60 сантиметров. Я видела десятки и сотни гектаров, уже засаженных еще совсем юными виноградниками и плодовыми деревьями, засеянные хлопком и травами.

Как видения, как чудесные оазисы среди пустыни, возникали вдруг ряды новых домиков из розового, сиреневого, рыжего местного туфа, украшенных армянскими колоннами и полуарками.

В Араратской долине все настолько ново, что некоторые поселки не успели еще получить имени и называются просто по номерам. Я видела поселки, почти достроенные, но еще не заселенные: они готовятся к приему репатриированных армян, которые попадают из стран капиталистического заката прямо в эти селения будущего.

Химическая промышленность Армении, электроплавка меди и молибдена, производство ферросплавов в электропечах, электрификация добычи несравненного армянского туфа, мрамора, оникса—все это рождено Севаном.

Строительство Севанского каскада еще очень далеко от завершения. Но и сейчас, на наших глазах, Севан меняет облик Армении.

Подсчитано, что, когда строительство будет закончено полностью, энергетика в Армении вырастет в шесть раз по сравнению с 1940 годом; тяжелая промышленность — в шесть раз, сельское хозяйство Араратской котловины — тоже в шесть раз, а население во всей республике — почти в три раза.

По сути дела, здесь на наших глазах не просто растет, а создается новая страна — страна блистательной энергетики и техники, которая обеспечит людям такой уровень жизни, какого не видело ни одно государство в мире.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

ПРИДЕТСЯ ОТВЕТИТЬ, ТОВ. ИСАЕВ!

Обещанного, говорят, три года ждут! Руководители Уральского турбинного завода считают, что и такой срок недостаточен для выполнения договорных обязательств.

Еще в феврале 1946 года наша фабрика заключила договор с Уральским турбинным заводом на поставку запасных частей к турбине «Борзиг». Прошло уже два с половиной года, но запасные части не готовы. Дирекция Уральского турбинного завода уведомила нас, что и в этом году заказ не будет выполнен.

Состояние же турбины таково, что она каждый день может выйти из строя, и тогда остановятся машины крупнейшей в Белоруссии бумажной фабрики, снабжающей тетрадями миллионы советских школьников.

Мы неоднократно писали об этом директору турбинного завода, но он не счел даже нужным ответить нам.

Уральский турбинный завод — одно из крупнейших предприятий советского машиностроения. И очень печально, если его руководители лишены элементарного чувства долга.

Почему директор завода тов. Исаев не ответил добрушцам? Может быть, он счел их заказ «мелочным», не заслуживающим внимания?

Ответить тов. Исаеву все же придется. Советская общественность не допустит срыва снабжения школьников тетрадями.

Е. КРИВОШЕЕВА,
депутат Верховного Совета БССР.
Я. ФИНКЕЛЬШТЕЙН,
заместитель директора Добрушской бумажной фабрики «Герой труда».
Л. ОВЧАРОВ,
секретарь партийного комитета.

С ОПОЗДАНИЕМ НА ТРИ ГОДА

С каждым днем растет в нашем колхозе спрос на хорошую книгу. Число читателей неуклонно увеличивается. Однако книжный фонд сельской библиотеки пополняется плохо. Деньги, выделенные из бюджета сельского совета на приобретение новых книг, у нас есть. Беда, что покупать книги мы имеем право лишь через Минский библиотечный коллектор, работники которого, повидимому, не понимают политической важности порученного им дела. Им лишь бы сбыть старье!

Колхозные читатели просят «Бурю» И. Эренбурга, «Кружилиху» В. Пановой, «Счастье» П. Павленко. Нам нужны книги Ванды Василевской, нужна «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого. Мы хотим, чтобы в нашей библиотеке были сочинения Пушкина, Тургенева, Некрасова. Ни одной из этих книг у нас нет.

Как правило, художественную литературу нам не присылают, а получаем мы только устаревшие брошюры. В этом году, например, нам прислали брошюры, посвященные... 28-й годовщине Октября. А книгу И. В. Сталина «О Великой Отечественной войне» мы до сих пор не получили.

Создается впечатление, что дело снабжения колхозной деревни политической и художественной литературой поручено в Минске людям, потерявшим политическую ответственность перед читателями.

Ф. СЕРГЕЕВ,
председатель Майского сельсовета Жлобинского района БССР.
З. МАШНИЦКАЯ,
зав. избой-читальней.
И. ГОСПАДАРЕНКО,
колхозник колхоза «Рассвет»
Н. КОЗЛОВА,
звеньевая колхоза «Рассвет».

От редакции. Специальный корреспондент «Литературной газеты» писатель Владимир Лифшиц расследовал письмо колхозников. Все факты подтвердились. Заведующая Минским библиотечным коллектором тов. Зарецкая постоянно отказывается от книг, предлагаемых ей Белорусским государственным издательством. Так, в самое последнее время коллектор отказался от новых изданий сочинений Тургенева, Пушкина, Салтыкова-Щедрина, от избранных поэм А. Кулешова, рассказов Я. Коласа, ссылаясь... на отсутствие спроса (!).

Редакция целиком поддерживает законное возмущение жлобинских колхозников и надеется, что Минский горком КП(б)Б примет меры к наведению порядка в Минском библиотечном коллекторе.

Конст. ФЕДИН

Самый реалистический сказочник

Прошло десять лет со дня смерти Бориса Степановича Житкова.

Это было необыкновенное десятилетие, которое по своему значению может поспорить с веком.

Литература должна была держать великий экзамен. В советской стране, где воспитание человека есть самое важное дело всего общества, литература испытала на себе резко возросшую требовательность читателя.

Мы можем утверждать, что многое из созданного советской художественной литературой до наступления последнего десятилетия живет и сейчас, в наши дни. Это мы видим в нашей прозе, посвященной изображению советского человека — его внутреннему содержанию, его борьбе. Это видим мы в исторической литературе, заново пересмотревшей великий путь нашей могущественной державы и нарисовавшей ее героев новыми красками. Это видим мы и по книгам, посвященным тому особому миру, который призван осуществить нашу мечту о будущем, — миру нашего ребенка.

Мир ребенка советского общества очень широк. Это не только сказка, не только детская комната с няней, не только живая природа. Основа нашего строя — всеобщий труд. Мы растим тружеников, воспитываем неутомимых работников. И наш ребенок вводится с самых ранних лет в необ'ятную мастерскую, где люди заняты созиданием.

Дело литературы заключается в том, чтобы представить реальную жизнь человеческого труда не менее прекрасной, чем увлекательная сказка.

Детские писатели ставят перед собой задачу — увлечь ребенка в живую действительность, как в сказку.

Б. Житкову это почти всегда удавалось. Его книги имели успех у детей, потому что дети не замечали, как они учатся у Житкова познавать труд.

Дети читали Житкова, как сказочника, как удивительного рассказчика. А между тем они читали книги учителя, книги инструктора мастерской, в которой люди строят нашу новую жизнь.

Как же работал, что создал и почему попрежнему имеет успех у детей и у взрослых Борис Житков?

Очень легкий, маленький человек, с быстрыми поворотами головы и всего ловкого, крепкого тела. В подстриженных его усах белеет сединка, а он, как подросток, без ощущения веса, подпрыгнул и сел на высокий подоконник в ленинградском Доме книги. Там я и познакомился с ним много лет назад, когда начала создаваться советская литература для детей.

Однажды для одного рассказа мне понадобилось получше узнать, как делаются бочки. На лестнице Дома книги в Ленинграде мне встретился Борис Степанович. Он спросил, что я делаю, и я сказал ему насчет бочек.

— Не помню сейчас книжек о бондарном деле, но когда-то сам был знаком с ним, — сказал он. — Вот, послушай.

Мы отошли в сторонку, и тут же, на площадке лестницы, я узнал подробности о заготовке клепки, обручей, обо всех инструментах бочара, обо всех трудностях, опасностях, болезнях и обо всем восторге бондарного производства. Житков говорил с таким увлечением и так наглядно об'яснял набивку обручей на клепку, что я почувствовал себя перенесенным в бондарную мастерскую, слышал стук и гул работы, вдыхал аромат дубовой стружки и готов был взяться за горбатик, чтобы немножко построгать вместе с замечательным бондарем — Житковым.

Так он знал десятки ремесел.

Принцип его письма исходил из этого знания вещей и людей. Житков в своих книгах раскрывал вещи и людей. Он умел раскрывать поэзию делания и устройства мира, окружающего нас. И его рассказы увлекательно-поэтичны.

Он написал роман «Виктор Вавич», в котором — множество находок, открытий и таких деталей, что кажется, будто автор обладал абсолютным, каким-то математическим зрением.

Мы очень часто в писательской среде применяем слово «мастер». Но мастеров среди нас не очень много.

Борис Степанович оставил после себя книгу, которая укрепляет за ним славу литературного мастера, заслуженную им при жизни. Эта книга—«Что я видел» — книга первых впечатлений ребенка.

В книге нет ничего книжного, заимствованного из литературы. Она представляет собою как бы вызов компиляторству, тем литераторам «для детей», что делают книги из книг. Она живая. Сотни явлений освещены безошибочным взглядом наблюдателя и описаны в нескольких строках.

Житков писал необычайно коротко и написал огромную книгу. Она насыщена понятиями, знаниями, приобретаемыми ребенком на протяжении лет.

Это детская книга нового типа — энциклопедия нашего быта в живом рассказе. Ею можно пользоваться и год, и два, она может быть настольной книгой матери, воспитателя, руководителя детского сада. К ней можно возвращаться, как к очень длинной сказке.

Пристрастие Житкова к технике, к вещи сочетается с интересом к природе и даже уступает ему; много рассказывается о лесе, саде, бахче, о животных в деревне и в зоопарке. В этой повести детства много взрослых, больших людей и много маленьких происшествий. Я думаю, Житков не побоялся ввести в книгу черты автобиографические, и не он ли был «Почемучкой» — человеком, который всю жизнь своими руками разбирал устройство вещей и перед лицом фактов вечно задавал вопрос своего ненасытного маленького героя — «почему?»

Мне кажется, выбор манеры, в которой книга написана, сделан верно. Ребенок должен видеть вещи впервые, удивляться, совершать открытия.

Если бы она была написана в первом лице, но от взрослого рассказчика, нельзя было бы избежать самой страшной в детской литературе опасности — сюсюканья, потому что взрослый давно совершил открытия, и его удивление, его радость были бы фальшивы.

Поэтому Житкову оставалось предоставить слово самому ребенку. Пятилетний мальчик в течение одного изумительного лета побывал в Москве, Харькове и Киеве, пожил в деревне, на даче, в детском саду и обогатился сотнями новых понятий, о которых рассказывает увлеченно и по-детски прозрачно.

Только очень крупный писатель и отличный знаток жизни мог поставить себе и выполнить такую художественную задачу. Условность ее решения Житков чувствовал, конечно, очень сильно. Где же видано, чтобы ребенок «наговорил» целую энциклопедию в таком умном, последовательном плане, в такой связности и точности определений. И Житков предупреждает взрослых: «Не читайте помногу, книжки должно хватить на год». Три-четыре прочитанные страницы оставляют впечатление чудесной свежести детского рассказа.

Житков не подменил собою ребенка. Житков сам стал маленьким, заново увидел милый земной шар и заставил нас, читателей, снова увидеть его.

Вот почему эта книга живет поныне и будет жить еще очень долго.

Как тип детской энциклопедии, книга «Что я видел» послужит непременно образцом для создания многих других книг подобного рода. Жизнь обогащается новыми открытиями, новым вещным миром. Ребенку надо рассказать, как продолжается сказка нашей жизни после того, как десять лет назад ушел от нас самый реалистический сказочник — Борис Житков.

Но сам сказочник останется жить в своей книге, как живет в ней созданный им вещный мир.

Павел НИЛИН

О чувстве собственного достоинства

ЗАМЕТКИ ИЗ БЛОКНОТА ПИСАТЕЛЯ

1.

Жизнь у причалов с каждым днем становилась поистине невыносимой. Противник беспрерывно заливал переправу губительным огнем. И чудом казалось, что переправа все-таки действовала. Упорство солдат, державших переправу, превосходило все, что видывали люди на войне. Однако солдаты эти, работавшие у причалов на узком клинышке чуть поросшего лесом берега, сплошь распаханного взбесившимся вражеским металлом, все-таки считали, что не они тут настоящие герои, а их товарищи, дравшиеся в самом пекле Сталинградской битвы. Вот там, в Сталинграде, до которого надо проплыть с этого берега всего несколько сотен метров кипящей от взрывов реки, вот там уж действительно настоящие герои.

— Когда кончится война и будет полная наша победа, надо бы завести такой порядок. Где появится человек, воевавший в самом Сталинграде, все, кто видит его, должны, обязаны снимать шапки. Из уважения.

Это сказал однажды на переправе в блиндаже во время завтрака Пахомов Яков Гаврилович, сержант, бывший председатель колхоза из-под Ярославля. И вначале никто не оспорил его. Но когда все присутствовавшие в блиндаже доели кашу и сполоснули котелки, такой же степенный, как Пахомов, старшина возразил Пахомову:

— Уж если снимать шапки, так надо оказать почтение и тем, кто эти танки делает. — И он прислушался к нараставшему шуму танков, подходивших к переправе. — На сегодняшний день где-нибудь на Урале или за Волгой многие люди очень бы желали приехать сюда. Но их покамест не берут в солдаты. Им велят готовить снаряжение. И они работают, может, не хуже нас...

Старшина этот оказался такелажником. Он участвовал в строительстве Магнитки и Кузнецкстроя. И достаточно ему было вспомнить об этом, как сейчас же и другие солдаты стали вспоминать обо всем, что они еще недавно сами делали или что слышали о геройских делах в мирной жизни. Вспомнили, между прочим, мастера Воронина («Где он, интересно, сейчас?»), который в тридцать первом году удивил американских специалистов на Кузнецкстрое. Они брались поднять скиповый мост на домну за самый короткий срок — за три недели. А он поднял его со своей бригадой за несколько часов.

Чувство гордости за свой народ, с новой силой возникавшее из этих рассказов, как-то по-особенному освежало людей, бодрило и укрепляло, оберегая от тлетворной ржавчины отчаяния, способной прокрасться в сердце в тяжелый час. Отсюда, с узкого клинышка пораженной ужасом земли, солдаты как бы обозревали всю свою родину. И сержант Пахомов, подпоясываясь перед тем, как снова надо будет выйти к причалам под губительный вражеский огонь, сказал, улыбнувшись:

— Ну, тогда мы почаще должны снимать шапки друг перед другом и покрепче уважать друг друга, если мы есть такой замечательный и всеобщий народ...

2.

Мне часто вспоминаются эти слова. И на путях к коммунизму, озаренных гением товарища Сталина, нам постоянно служат, как мощные двигатели нашего развития, именно взаимное уважение, советский патриотизм, дружба народов и морально-политическое единство.

Чувство гордости за свой народ, чувство взаимного уважения все с большей силой укрепляется в наших людях. Оно, это чувство, родилось, понятно, не сегодня и даже не в годы войны. Народ, сотворивший величайшую революцию, совершивший исполинские подвиги в труде и в бою, народ, превративший свое отечество в могущественнейшее государство мира, воспитывал это чувство на протяжении всей своей новейшей истории. И сейчас, после великой войны, можно привести бесчисленные факты, когда чувство взаимного уважения, гордое сознание принадлежности к великому, победоносному народу по-особенному сплачивает, роднит и окрыляет наших людей. Достаточно, чтобы в газете хоть один раз появилось имя человека, вырастившего необыкновенно высокий урожай, или усилившего скорость резания на станке, или нашедшего способ ускоренной добычи угля, или даже с особой лихостью сплясавшего на международном фестивале, как со всех концов необ'ятной нашей страны полетят к нему приветственные телеграммы и письма от доселе не знакомых ему людей. Захворает хороший человек, заслуженный в труде или в боевых делах, и, если об этом станет известно, человека этого сейчас же окружат вниманием и сочувствием опять же совсем не известные ему до этого люди.

Для иллюстрации необыкновенно возросшего в нашем народе чувства взаимного уважения можно привести много крупных и общеизвестных фактов. Но я хочу сослаться на сравнительно мелкий, малоприметный факт.

В цирке в день премьеры перед самым началом представления у кассы столпилась очередь, хотя известно, что билетов осталось немного, и все нервничали по этому поводу. Особенно волновался высокого роста мужчина в новеньком костюме, пришедший в цирк вместе с женой. И жена волновалась:

— Подумайте, в кои веки собрались в цирк, и вот, пожалуйста, — билетов как будто нехватает...

Наконец, их очередь приблизилась к кассе. Но в этот момент в двери цирка вошли еще семь граждан и, узнав, что билетов нет, направились к администратору. Показывая документы и протягивая в окошечко деньги, они просили хоть как-нибудь устроить их на представление, тем более, что они приезжие, уже все посмотрели в столице и еще не успели побывать только в цирке, а завтра они уезжают. Администратор, однако, не внял их просьбе. Он что-то грубое прокричал сорочьей скороговоркой и захлопнул свое окошечко под самым носом просителей.

— Хороши у вас порядки,—обиженно сказал один из них, пожилой, поглядев на стоящих в очереди.

— А вы что, не здешние, что ли? — спросил наш знакомый, уже получивший билеты и счастливо настроенный. — Откуда же вы?

— Из Донбасса.

— Делегация, что ли?

— Да нет, в командировке, просто шахтеры.

— Шахтеры, — почтительно произнес наш знакомый. И повернулся к жене: — Ниночка, ну что нам за спех итти сегодня в цирк. Давай отдадим билеты им. Это ж шахтеры...

И еще кто-то, стоявший в очереди, отказался от своих билетов в пользу шахтеров.

— А на Москву вы, ребята, не обижайтесь, — сказал шахтерам наш знакомый. И кивнул на окошечко администратора: — Глупый человек, ведь он всюду может просочиться. Причем тут Москва...

Через пять минут в окошечко постучались еще четыре посетителя и получили билеты по запискам театральных администраторов и еще по каким-то запискам. А в самом цирке в момент представления оказалось довольно много свободных мест.

3.

Волшебный шелест записки, к сожалению, часто производит на некоторых наших мелких и даже крупных администраторов более сильное впечатление, чем самая суть дела. Вместо того, чтобы подробно разобраться в каком-нибудь обстоятельстве, взвесить все детали, проявить инициативу, принять на себя ответственность, такой администратор сплошь и рядом считает за благо уклониться от разговора, убежать, спрятаться, сослаться на то, что не было специальных указаний. Не беда, что второпях он, по недомыслию или по дурному настроению, обидит наших, по сталинскому выражению, золотых людей.

Уцепить его часто не за что, такого администратора. Попробуйте, допустим, сказать ему, что он плохой патриот, он сейчас же станет доказывать вам, что по этой линии у него все в порядке. Он состоит членом и Досав и Досарм. И у него найдутся, может быть, еще более веские доказательства. Уж если он не патриот, так кто ж тогда патриот? Но на работе своей он каждый день допускает действия, противные и нашей общественной морали, и нашему государственному устройству. Однако с виду он все делает как будто правильно, по закону, действия его формально не подлежат взысканию. Он действует часто в области так называемых мелких, малозаметных дел, где измерить и учесть его деятельность не всегда легко. Но именно мелочи, с которыми приходится сталкиваться каждый день, и раздражают человека с особой силой. Именно: в гостиницах, на железной дороге, в магазине, в канцелярии, на улице нас легко обрадовать внимательным отношением к нашим нуждам или обидеть неуважением. И поэтому я снова привожу «мелкие факты».

На Киевском вокзале в Москве у входа на пригородные поезда собралась огромная толпа. Накрапывает дождь. Приближается вечер. До отхода поезда остаются минуты, но вход все еще закрыт. Наконец, в последнюю минуту появляется железнодорожный служащий и об'являет:

— Посадка будет не здесь, а вон с того входа. Кто успеет, давайте скорее. Поезд сейчас отходит...

Начинается давка. Многие не попали на поезд.

— Почему же вы раньше не сказали, что там посадка? — спрашивают служащего. — Или в крайнем случае, почему вы хотя бы не извинились перед народом за такое безобразие?..

— Ну вот еще,—сердится служащий.— Я зарплату не за то получаю, чтобы извиняться и поклоны бить. Перед кем это тут извиняться? — И вдруг около себя он увидел генерала, тоже ожидавшего посадки. — Приходится употреблять грубость, — вздохнул служащий, как бы в оправдание. — Ведь я один, а народу-то сколько. Масса...

Видите ли, есть «масса», и он, так сказать, над массой, этакий небожитель!

Антонина КОПТЯЕВА

ТВОРЦЫ ЖИЗНИ

На обложке этой книги мы читаем: «Год XXXI. Альманах первый». Это название, естественно, воскрешает в памяти одно из замечательных начинаний великого Горького — создание альманахов, год за годом запечатлевающих черты развития нашего социалистического отечества. «Выходом в свет этого альманаха возобновляется начатое А. М. Горьким большое литературное дело», — сказано в предисловии к книге. Это важные и обязывающие слова. И хотя среди очерков, составивших альманах, встречаются и назидательно скучные, кое-где проскальзывает раздражающая умиленность автора, а в некоторых заметны следы торопливости, схематизм, стилистическая небрежность, все же составители сборника имели право об'явить себя продолжателями горьковских альманахов, возобновляя умную, талантливую инициативу основоположника советской литературы.

Конечно, альманах не смог охватить всех особенностей нашей сегодняшней жизни, всех тем, выдвинутых тридцать первым годом революции. Да это и невозможно сделать в одной книге.

Однако главное удалось. В этой книге бьется пульс нашего времени, в ней мы узнаем передовые черты современности, характер новатора послевоенной сталинской пятилетки.

Альманах состоит, главным образом, из очерков. Это несколько отличает его от горьковских альманахов, в которых наряду с очерками имелись повести, рассказы.

Горький говорил, что писатели «должны искать вдохновений и материалов в широком и бурном потоке труда, создающего новые формы жизни, им следует жить как можно ближе к творческой воле нашей эпохи».

Творческую волю нашей эпохи мы узнаем, читая очерки, напечатанные в альманахе. Авторы сумели показать необ'ятность нашей страны и ее сегодняшний трудовой день.

Вот Тимофей Алексеев, начальник технического отдела одного из южных гигантов металлургии — герой очерка А. Бека «Тимофей Открытое сердце»; чувствуется, что автор влюблен в своего героя, и когда прочитаешь очерк, хочется увидеть героя, хочется написать ему письмо. Удивительно радостно трудится инженер Алексеев, творец сталей новых марок. Весь его образ исполнен обаяния, какой-то солнечности.

Гильзовая сталь! Ее проблема окончательно была разрешена Алексеевым в эвакуации. Завод хорошо поработал для фронта в Сибири.

Одним из первых на освобожденную землю вернулся Тимофей Алексеев. Тяжело больной туберкулезом, он едет на юг с твердым решением лечиться. На один день заезжает на родной завод и остается, чтобы поднять его из развалин. И выздоравливает вместе с заводом.

Советских людей вдохновляет на труд то, что они во всем чувствуют великую организующую, направляющую руку партии, силу советского государства.

Во время эвакуации завода, когда эшелон был в Москве, Алексеева с группой руководителей завода вызвал нарком. В кабинете наркома он увидел три большие карты Советского Союза. Флажки на них располагались не по линии фронта.

«Тевосян подошел к карте и спросил:

— Каков, товарищи, номер вашего эшелона?.. Затем, показав на цепь флажков, протянувшуюся через всю карту на Восток, нарком произнес:

— Это ваш завод!

И Алексеев вздрогнул от этих трех очень простых слов. Он много дней подряд видел забитые эшелонами станции, ему порою казалось, что там хаос, неразбериха, отчаяние, — вдруг здесь ему предстала четкая, как бы очищенная от пены и брызг, линия эскадры, совершающей маневр в бою».

В фигуре Алексеева автору удалось запечатлеть те черты, которые отличают советского интеллигента нашего времени, с его страстью к новаторству, с его творческим отношением к жизни.

Горный техник Бридько — герой очерка Б. Галина «Человек оптимальных планов». Мы узнаем его, стахановца наших дней, героя пятилетки. Это человек, опережающий время. Он борется за метод цикличности, который может обеспечить слаженность в работе всей шахты. Он читает лекции об элементах цикла: «от зарубки врубовой машины до конечного результата труда — выдачи угля на поверхность». Он сам ежедневно бывает в лаве, лично проверяет работу мастеров и рабочих. Его огорчает поведение горного мастера, который «забыл или не успел, — это не важно, — очистить верхний куток для разворота машины. Понимаете, оставил частицу своей работы другому». Бридько не подписывает наряда и заставляет мастера не только доделать работу, но и «пережить» допущенную им небрежность. «Что значит «ну ладно»? Я ведь требую доделать работу не потому, что у Бридько такой тяжелый характер, а из принципа... Это же не простая бумажка. Это цикл! Тут и моя жизнь, и твоя... Тут все связано воедино».

Важная черта героя наших дней запечатлена в образе Бридько. Его участок работы стал творческой лабораторией для всех шахт треста. К нему, как говорит его жена, «приезжают за опытом», и он радостно делится этим опытом.

То же творческое, государственное отношение к труду свойственно героям очерка Саввы Кожевникова «За 56-й параллелью». Необходимо срочно вывезти зимой двести тысяч бревен для крепления угольных шахт Кузбасса. О заготовке и вывозке леса товарищ Сталин телеграфировал в Томск. Сибиряки приняли это, как боевой приказ. Лес за рекой Томью, до железной дороги — рукой подать, — но как перевалить его через реку? И вот возникает идея зимнего сплава по каналу во льду. Зимний сплав по Томи поручили остяку Ефиму Ескину, уроженцу Нарыма.

Вскоре канал — шириной в один метр и в 6 километров длиной — был сооружен: «Зажурчала вода под открытым небом, в морозном воздухе поднялись густые клубы пара. И сразу же в Затомском лесу раздался треск падающих деревьев». Пятьдесят градусов ниже нуля! Разразилась морозная буря, над рекой мглистой тучей понеслась колючая изморозь. — Поглядывай!—катилось от одного сплавщика к другому. Отделенные мглой, они поддерживали друг друга голосами.

В маленьком очерке превосходно передано напряжение героического труда. Тема труда звучит здесь патетически, величественно, она хорошо гармонирует с прекрасными, суровыми картинами северной природы.

Авторы альманаха сумели передать и новаторские черты нашего колхозного крестьянства. Вот записки трактористки Прасковьи Ангелиной, в более полном виде напечатанные в журнале «Октябрь». «О самом главном» пишет она, то-есть о своем труде. В чем разница между ее трудовой карьерой и головокружительной карьерой лорда Б.? В том, отвечает Ангелина, что он «вышел из народа в лорды», а она «вышла в герои вместе со всем народом». Записки Ангелиной замечательны и как биография знатной труженицы, как живой документ социалистической эпохи.

«Мне с юности знакомо и ненавистно это слово — предел», — пишет Ангелина. — Моя слава — от труда. И держится она потому, что я никогда не позволяю себе успокоиться на достигнутом». Так говорит она, последовательница Вильямса, советская женщина, колхозная крестьянка. Эти слова, такие характерные для людей нашей эпохи, можно с полным правом отнести к председателю знаменитого колхоза им. Молотова в Алтайском крае — Федору Гринько. Колхоз, которым он руководит, имеет свои подсобные заводы и мастерские и плодовый сад в 48 гектаров, выращенный в безводной Алейской степи. Создав со своими колхозниками ветрозащитные леса и аллеи, устроив пруды, председатель колхоза Федор Гринько уже мечтает о парке, о мощеных улицах и моторных лодках на прудах, и о кирпичных двухквартирных домах для всех колхозников, и о больнице с лабораторией и микроскопом. Но все это не праздная фантазия Гринько, а пятилетний план строительства по колхозу.

Увлекательно рассказывает А. Горобова об этом колхозе, о его славном руководителе Федоре Гринько в очерке «Месяц в колхозе». Гринько на собственной практике в течение тринадцати лет показал, «каким должен быть председатель колхоза». «Вся молодежь в нашем колхозе имеет семилетнее образование, — говорит Гринько. Колхозники — это интеллигентные люди. Нужно много работать над собой, чтобы не остаться в хвосте. Каждую свободную минуту учись. Иначе колхозники тебя обгонят. А председатель колхоза должен быть всегда впереди».

Федор Гринько говорит о той силе, которую дал крестьянству колхозный строй. «Это значит, что каждый колхозник чувствует свою ответственность за судьбу нашего огромного государства, что каждый колхозник чувствует свою тождественность со всем нашим великим государством. Что колхозник — это государственный человек!»

Тепло и увлекательно написан яркий очерк Ксении Львовой «Живые души». И здесь действующие лица—колхозники и колхозницы. В каждом из них есть черты, свойственные и Федору Гринько и Паше Ангелиной, но в то же время автору удалось показать их индивидуальности, яркие характеры: и Оли из звена Тони Шутовой колхоза «Красный коллективист», где председателем — вдова сталинградца из морской пехоты Любовь Гунина, и Музы, дочери сторожа из колхоза «Реконструкция», где председательствует Федор Трифонович Сидоренко, и самого Сидоренко, и самой Гуниной.

О Гуниной лучше всего сказать словами автора, рассматривавшего ее фотографии. То это заразительно улыбающаяся, веселая молодая женщина, «то вы видели назидательное требовательное лицо, настороженный наклон головы — она слушает доклад бригадира; вот она мать: светящимся взглядом, с каким-то возвышенным умилением смотрит на дочь; вот она, злобно сосредоточенная, чем-то расстроенная, катит на велосипеде, готовая разразиться потоком злых слов и, может быть, даже слезами, совсем уж не подозревая, что художник подсмотрел ее в такую минуту. Вот она с фанатической силой убеждения что-то говорит женщинам в поле, подняв руку... Она потом дивилась на эти разоблачительные фотографии, порою стыдилась себя, неодобрительно покачивая головой, и сохраняла все «для памяти».

Гунина говорит, что у Сидоренко еще плохо с работой звеньев потому, что он не добрался «до совести своих бригадиров». Он, по ее словам, «надеется, что его вывезут механизмы. Это у него в костях сидит! «База»... База — это люди, а механизмы только помощники».

Одна из важных тем, нашедших отражение в альманахе, — это тема небывалого расцвета — экономического и культурного — братских республик.

Лирическая проникновенность отличает очерк В. Гроссмана «Поездка в Киргизию».

В пустынных ущельях горят огни новостроек. «Асфальт, провода, электричество, заводы — и тут же ослики, верблюды, тянь-шаньские снега — удивительная картина, вот они, ожившие, зримые цифры строительства новой Киргизии».

В 1916 году среднее образование имели четыре киргиза. В 1948 году учитель сельской школы говорит писателю: «Из 28 учеников, окончивших в этом году десятый класс, 25 пошли учиться в высшие учебные заведения».

Такие цифры могут взволновать сильнее всякого поэтического описания! «Все живущие сегодня во Фрунзе — геологи, врачи, агрономы, писатели, художники, оперные певцы, драматические актеры, научные сотрудники филиала Всесоюзной академии наук, управляющие трестами, министры — были рождены в юртах, кочевом тысячелетнем доме киргизского народа». Вся Киргизия пересоздана заново.

В альманахе много различных материалов. Можно придирчиво и строго разобрать их, найти и слабые и неудачные очерки и стихи. Однако не они определяют характер книги, ее значение.

Важно то, что появился альманах, продолжающий замечательную традицию Горького, что этот альманах уловил драгоценные особенности времени и запечатлел их на своих страницах.

«Год XXXI. Альманах первый». «Советский писатель». 1948, 573 стр.

Грубые ошибки в „Хрестоматии по истории СССР"

◆

Р. САМОЙЛОВ

◆

Перед нами третий том «Хрестоматии по истории СССР». В нем собран обширный, частично впервые публикуемый документальный материал, относящийся ко второй половине XIX века. Книга эта предназначена служить пособием для учителей средней школы. Но ею будут пользоваться также широкие круги советских читателей.

Справился ли составитель С. Дмитриев с задачей — воссоздать подбором документов и комментариями к ним об'ективно верную картину сложной политической и идейной борьбы, которой была наполнена вторая половина XIX века в России?

Дважды на протяжении этого периода возникала в стране революционная ситуация. Развивалось вглубь и вширь революционно-демократическое движение, созревали условия и предпосылки для начала нового, решающего этапа русской революции, когда во главе ее встал пролетариат.

Для того чтобы правильно разобраться в истории общественного движения и общественной мысли пореформенной России, надо помнить, что в центре той эпохи стояла непримиримая борьба между демократами и либералами. «Либералы 1860-х годов и Чернышевский, — писал Ленин в 1911 году, — суть представители двух исторических тенденций, двух исторических сил, которые с тех пор и вплоть до нашего времени **определяют исход борьбы** за новую Россию» (т. XVII, стр. 96. Подч. нами. — Р. С.).

Ленин беспощадно разоблачал фальсификации и прямые подлоги кадетствующих «историков», пытавшихся скрыть, замазать непроходимую классовую грань, идейную пропасть, отделявшую революционеров-демократов от буржуазных либералов. Как это ни странно, но в плену у той самой концепции, с которой воевал Ленин, оказался советский историк тов. Дмитриев.

В этом убеждаешься буквально с первых страниц хрестоматии. На стр. 30 начинается подраздел, озаглавленный: «Защита интересов крестьян революционерами-демократами». И сразу же после этого заголовка помещена печально знаменитая статья Герцена «Через три года», обращенная к Александру II и начинающаяся словами: «Ты победил, Галилеянин!»

Герцен-демократ изменил себе в этой статье и заговорил либеральным голосом. Он поверил в добрые намерения царя и предался на время иллюзиям о возможности мирным путем покончить с крепостничеством. В этом сказалась ограниченность Герцена, как дворянского революционера. Ленин писал о «бесчисленных слащавых письмах в «Колоколе» к Александру II Вешателю», что их «нельзя теперь читать без отвращения».

Не удивительно, что буржуазные историки всячески раздували и превозносили либеральные шатания Герцена, сознательно закрывая глаза на то, что шатания эти были непродолжительными, что демократ все же брал в Герцене верх. Но более чем удивительно, что С. Дмитриев для характеристики позиций революционной демократии конца 50-х годов избрал именно слащавое письмо Герцена.

Правда, С. Дмитриев снабжает статью Герцена комментарием. Он оговаривает, что она «служит примером тех колебаний Герцена между демократизмом и либерализмом, о которых говорит Ленин». В качестве чего же в таком случае приводит ее составитель? Но последующая фраза показывает, что ссылка на Ленина была сделана формально. «Надо, однако, отметить, — пишет Дмитриев, — что опубликование рескриптов радостно приветствовал даже Чернышевский» (стр. 31).

Выходит, что заблуждения Герцена были свойственны **всем** демократам того времени, в том числе и наиболее последовательным из них. Выходит, что в предреформенный период позиции либералов и демократов были не так уж далеки друг от друга, как это и пытались доказать буржуазные историки.

Ложность их версии очевидна. Ясно, что статья Чернышевского «О новых условиях сельского быта», на которую ссылается в подтверждение своих слов С. Дмитриев, не смогла бы появиться в подцензурной прессе, не «приветствуй» ее автор царских рескриптов. Но достаточно прочитать эту статью, чтобы убедиться в том, что «приветствия» являются в ней инородным телом, что она направлена своим разящим острием против таких «паразитов крепостного права», как Тенгоборский и Гакстгаузен. Тактику Чернышевского, прибегавшего по необходимости, к «эзоповскому языку» и умевшего, по словам Ленина, «подцензурными статьями воспитывать настоящих **революционеров**», С. Дмитриев пытается представить в качестве либеральных иллюзий.

Не потому ли в хрестоматии не нашлось места для замечательного отрывка из дореформенной статьи Чернышевского «Критика философских предубеждений против общинного владения»? Сравнивая здесь (для обмана цензора) подготовку реформы с приготовлением обеда, Чернышевский предсказывал, что за этот «обед» с крестьян возьмут столько денег, что он их не накормит, а разорит. И Чернышевский делал вывод: «**Лучше пропадай все дело, приносящее вам только разорение!**»

Для Ленина это было одним из бесспорных доказательств того, что Чернышевский превосходно понимал современную ему действительность, понимал, что ждать от правительства нечего, и заранее «проклинал реформу, желая ей неуспеха, желая, чтобы правительство запуталось в своей эквилибристике между либералами и помещиками и получился крах, который бы вывел Россию на дорогу открытой борьбы классов» (т. I, стр. 264).

С. Дмитриев не может не знать этих слов Ленина. Но он предпочитает следовать укоренившейся и принявшей «академическую» внешность концепции либерально-буржуазной историографии.

Через несколько страниц после упомянутой статьи Герцена в хрестоматии помещен ответ на нее — знаменитое письмо «Русского человека», опубликованное в «Колоколе». Автор письма бичует колебания Герцена, толкает его на решительный разрыв с либералами. Обращениям к царю он противопоставляет страстный призыв к народному восстанию, «к топору». Совершенно бесспорно, что это документ из лагеря Чернышевского, так же, как совершенно бесспорно, что правда в споре с Герценом на стороне «Русского человека».

Но именно об этом и не упоминает С. Дмитриев в своих комментариях. Он уклончиво отмечает, что одни исследователи ошибочно приписывали авторство этого письма Чернышевскому, другие — Добролюбову, но и это предположение «пока окончательно не доказано». А в заключение **уже без всяких комментариев** Дмитриев помещает отрывок из предисловия Герцена к письму «Русского человека». Герцен здесь оправдывает свою позицию и считает, что будет «великим несчастьем», если народ, увидев, что его надувают, сам бросится к топору.

Читатель вправе думать, что, предоставляя в этом споре последнее слово Герцену, составитель выражает тем самым и свою собственную точку зрения, свою позицию.

Характерно и другое. Письмо «Русского человека» опубликовано в хрестоматии в извлечениях. Что же выпустил составитель? Те места, где классовая ненависть революционера-демократа, идеолога крестьян, к либералам-помещикам выражается с наибольшей силой, где автор письма не просто разоблачает либералов, но **жаждет, чтобы они погибли** вместе с Собакевичами и Ноздревыми. «Что жалеть об этих франтах в желтых перчатках, толкующих о «**демокраси**» в Америке и не знающих, что делать дома, — обращается «Русский человек» к Герцену, — об этих франтах, проникнутых презрением к народу, уверенных, что из русского народа ничего не выйдет, хотя, в сущности, не выйдет из них-то ничего...»

Мы не найдем также в хрестоматии замечательных, высоко ценимых Лениным статей Герцена против «подлого либерала» Кавелина. Мы не находим ни одной строки, принадлежащей Салтыкову-Щедрину, гениальному разоблачителю «просвещенных» хищников и «премудрых пескарей» русского либерализма! Воспоминаниям же и высказываниям самих либералов отведено в хрестоматии немало страниц. Дмитриев благосклонно цитирует злобные выпады либерала Чичерина против «наглой демократии» и сопровождает их бесстрастной характеристикой: «Б. Н. Чичерин — ученый и публицист, крупный помещик, умеренный либерал».

Смазывая классовый антагонизм либералов и демократов в области политической борьбы, С. Дмитриев, естественно, оказывается неспособным дать читателю четкое представление и об идеологической борьбе того времени, о резком размежевании реакционных и прогрессивных сил в области культуры. Пресловутая теория «общего потока» явно тяготеет над ним. Приведем лишь несколько примеров.

Пушкинский праздник 1880 года выглядит в хрестоматии, как общекультурное событие—и только. Острая идеологическая борьба, развернувшаяся вокруг юбилея, попытки реакции использовать его в своих интересах игнорируются С. Дмитриевым.

На известную речь, произнесенную Достоевским во время празднования, С. Дмитриев смотрит глазами либерала Кони и консерватора Страхова. Воспоминания последнего, наполненные восторгами по поводу реакционного содержания этой речи, составитель снабжает кратким комментарием, гласящим, что она представляет собой «ценный источник» (?). Понятно, что при такой оценке речи Достоевского в хрестоматии не нашлось места для резкой критики ее демократами.

Об известном историке Ключевском С. Дмитриев находит нужным сказать только, что тот пошел дальше своего учителя Соловьева, «внимательно изучал экономическую историю, **порою касался** (!) классовой структуры общества». Правда, Дмитриев указывает, что Ключевский «отвергал классовую борьбу и возможность революции в России». Но достаточно ли этого? Разве можно, говоря о Ключевском, обойти молчанием, что с ним и его школой связано начало упадка буржуазной историографии в России. Нельзя скрывать такие факты из политической биографии Ключевского, как произнесение им в 1894 году «Похвального слова» Александру III, вызвавшее бурное возмущение со стороны передового студенчества.

Ошибки, допущенные составителем «Хрестоматии по истории СССР», этим отнюдь не исчерпываются.

Ряд документов он оставляет совсем без комментариев, несмотря на то, что они необходимы. Некоторые же материалы могли появиться на страницах хрестоматии только в результате крайней неразборчивости С. Дмитриева, граничащей с политическим недомыслием. Так, в ней нашли место лживые, великодержавно-шовинистические высказывания авторов небезызвестного издания «Россия», махрово черносотенные «откровения» генерал-майора Кутайсова и т. п.

Ошибки С. Дмитриева не случайны. Следуя традиционным представлениям либерально-буржуазной историографии, он не понял политического существа этих традиций, вызванных стремлением застопорить ход классовой борьбы угнетенных против угнетателей. «Мир, господа, между мертвыми есть залог мира между живыми!»— так еще в начале XX века откровенно сформулировал социальный заказ, который дает буржуазия своим ученым холопам, французский реакционный историк Димье.

Советской исторической науке нет нужды «мирить» великих демократов с либерализмом. Напротив, ее задача разрушать исторические «мифы», созданные буржуазной лженаукой. Руководствуясь марксистско-ленинской методологией, она должна вскрывать до конца классовые противоречия, обнажать непримиримую борьбу между прогрессивными и реакционными силами в области общественно-политической жизни, идеологии и культуры.

А в этой «массе» часто происходят, например, вот такие случаи.

У площади Маяковского милиционер задержал старуху. Закутанная в суконную шаль, обутая в толстые чулки и в мягкие туфли, она производила впечатление приезжей откуда-то издалека и никак не могла понять, чего требует от нее милиционер? Ведь она хотела только перейти дорогу. Ах, не в том месте? Ну кто же теперь, батюшка, разберет, в каком ее месте переходить. Народу-то какая сила. Шум-то какой. Машин сколько!

— А светофор для чего? И указатель? — допытывался милиционер и требовал от старухи паспорт.

В это дело вмешался прохожий в дождевика:

— Вы бы отпустили ее, товарищ милиционер. Ведь видать, что она приезжая. Об'ясните ей правила, и все.

— Ты не учи меня, — сердито оглянулся на него милиционер. — Кто ты есть такой?

— Как кто? Гражданин Советского Союза.

— Я тебя не об этом спрашиваю. Кем работаешь?

— Каменщиком, — сказал прохожий.

— Ну и проходи дальше. Я без тебя тут разберусь.

Но прохожий проходить дальше не пожелал. Он пред'явил милиционеру документы. И тут выяснилось, что он действительно каменщик, знаменитый каменщик и, кроме того, депутат Верховного Совета. А когда старуха, чтобы достать паспорт, распахнула свою шаль, на груди у нее зазвенели три медали. Она оказалась приезжей из-за Волги колхозной свинаркой.

— Я извиняюсь, — сказал милиционер депутату, опасаясь неприятностей. — У меня, знаете, сразу не сработала башка. Ведь вон какая масса людей. Но вы, еще раз извиняюсь, тоже немножко виноваты. Ведь я вас спрашивал, кто вы есть такой, а вы говорите гражданин Советского Союза.

— А разве этого мало? — спросил каменщик.

И в самом деле, разве этого мало, чтобы уважительно относиться, чтобы раньше всего проявить внимание и вежливость, если не почтительность, к гражданину первого в мире социалистического государства? Но, оказывается, это надо еще втолковывать некоторым деятелям.

4.

Недавно мне пришлось побывать в кабинете крупного (хотя бы по занимаемой должности) ответственного работника и стать невольным свидетелем, так сказать, стиля его руководства. Всем своим подчиненным, будь это мужчины или женщины, инженеры или статистики, он неизменно говорил «ты», а когда его что-нибудь возмущало и он начинал распекать подчиненного, речь его насыщалась такими словами, что секретарша в соседней комнате стыдливо прикрывала дверь:

— Уши вянут...

Я очень деликатно спросил этого деятеля, не обижаются ли его подчиненные на такое обращение? Он засмеялся:

— Ничего, привыкли. Я ведь не со зла. Я ведь это так, по-простому, по-рабочему, по-горняцки...

Горняком он был, как я знаю, очень недолго и лет этак двадцать назад. Затем он учился, стал инженером и вот уже несколько лет занимает видный пост, оправдывая его блестящими деловыми качествами. Но при всем этом ему, не старому еще человеку, почему-то нравится в культурном государственном учреждении разыгрывать роль этакого опереточного батьки-командира. И некоторые его подчиненные из разряда простодушных, полагая, что в поведении их начальника заложена «сермяжная правда», в свою очередь иной раз со своими подчиненными также стараются беседовать подобным образом. Им и в голову не приходит, что рабочие, в частности горняки, от чьего якобы имени ведет свой «стиль» их начальник, ничего общего не имеют с таким поведением. Сейчас рядового кадрового рабочего, допустим, горняка, часто нелегко даже по внешнему облику отличить от инженера или техника. Политический же кругозор и культурный уровень наших рабочих не идет ни в какое сравнение с тем представлением, которое еще держится в умах некоторых наших товарищей, полагающих, что действовать «по-рабочему» — это значит проявлять грубость.

5.

Известно, что рабочие наши живут и работают в условиях, которые даже и присниться не могли их дедам. Достаточно проехать, например, по Донбассу, побывать в шахтах, организованных по последнему слову техники, посетить дворцы культуры, клубы, жилища, школы, театры, библиотеки, институты. Да не только Донбасс показателен в этом смысле. Можно с'ездить хотя бы в Подмосковный бассейн, считавшийся самым отсталым, и посмотреть на его новые шахты, где-нибудь в Скуратовугле. Прекрасно оснащенные самым совершенным оборудованием, шахты здесь и внешне выглядят нарядными. Надшахтные здания-комбинаты по наружной отделке можно принять за помещения для театра.

Но вот я вхожу в одну из шахтерских столовых, потом в другую, в третью, и меня поражают грязные полы, обшарпанные стены, засаленная, грязная мебель. Почему такое? В чем дело?

— Видите ли, дело в том, что шахтеры приходят в столовую прямо из шахты в грязных шахтерках, и очень торопятся после работы, особенно холостяки. Ведь столовка может закрыться. Помыться, значит, они не успевают. Вот от этого получается грязь.

Об'ясняет мне это флегматичный мужчина лет сорока пяти. Должность его называется — начальник ЖКО, что значит — жилищно-коммунальный отдел.

— Но почему же нельзя сделать так, чтобы столовая была открыта все время, пока шахтеры нуждаются в ней? Они могли бы тогда успеть и помыться перед едой...

— Видите ли, персоналу это будет неудобно, — слышу я все один и тот же ответ.

— Но ведь персонал обязан обслуживать именно шахтеров. Прежде всего шахтерам должно быть удобно...

Один из начальников ЖКО, несмотря на всю свою флегматичность, начал все-таки раздражаться.

— Вы приехали из Москвы, — сказал он мне обиженно, — и вы все по-столичному меряете. А тут у нас провинция.

6.

Бестолковый деятель, лентяй, непонятно, за какие заслуги поставленный управлять бытом шахтеров, он, видите ли, оправдывает свою плохую работу старинным понятием — «провинция». А в провинции этой действуют замечательные люди, прославленные стахановцы, чьи имена часто гремят на всю страну. В столовую, которая находится в поле деятельности этого ЖКО, каждый день входят шахтеры, зарабатывающие по пять, шесть, десять тысяч рублей в месяц, и многие из них говорят:

— Пусть бы тут открыли хотя бы кафе. И хоть баяниста бы наняли.

Но начальник ЖКО, некто Шаляпин, обладатель очень громкой фамилии и очень слабых способностей, показывающий мне в новом поселке, застроенном хорошими домами, аптеку с провалившимся полом, оккупированный клопами дом для приезжих, говорит уныло:

— Фантазия у людей большая. Но я не могу творить чудеса...

И это правда. Он чудеса творить не может. А люди, которых он обязан обслуживать, поистине творят чудеса. И в Подмосковном бассейне, и в Донбассе, и в других местах — немало людей, уже в этом году выполнивших послевоенную сталинскую пятилетку. Но почему же обслуживать этих героев берутся нередко малоактивные, безынициативные, а порой и просто малограмотные люди?

Я просмотрел десятки анкет разных мелких и крупных администраторов в разных местах, и мне бросилось в глаза, что за редким исключением эти люди являются как бы случайными. Их жизненный опыт часто не оправдывает их назначения. А, казалось бы, для общения с народом, для обслуживания народа, пусть на самые маленькие должности, надо отбирать хорошо проверенных людей, специально подготавливать их и при всем этом наблюдать за ними ежедневно.

Ведь для работы в современной шахте рядовой шахтер должен пройти обязательно техминимум, как и всякий рабочий у станка. А какой техминимум мы требуем от завхоза, администратора?

Поэтому человек без профессии, без ремесла, нахватавшийся только поверхностных знаний, куда нередко пробивается? В контору — завхозом, в общежитие — комендантом, в зрелищное учреждение — заведующим, в такие области, где деятельность его как бы не требует твердых знаний.

Надо обратить особое внимание на кадры обслуживающих народ людей. Надо, чтобы все они поняли: обслуживать наш народ, народ великих тружеников и героев, можно только уважая его в целом и каждого его представителя в отдельности, кем бы он ни был, каменщиком или артистом, колхозником или генералом. Надо и им привить чувство собственного достоинства, этим кадрам, в среде которых все еще чувствуются пережитки прошлого, отсталости и бескультурья.

Я не привожу здесь положительных фактов хорошего обслуживания, не называю отличных администраторов. А их, конечно, много. Но хорошее обслуживание, вежливое, уважительное обращение и не может быть редкостью. Оно должно быть естественным, как дыхание.

Чувство гордости за свой народ, чувство собственного достоинства — это не есть какое-то застывшее понятие. Оно растет, развивается, побеждает. Это воинствующее чувство, присущее нашему народу, мы противопоставляем капиталистическому хамству. И мало гордиться своим народом, надо еще каждый день оправдывать свое право принадлежности к нашему народу, строящему коммунизм. Поэтому мне снова хочется привести здесь слова сержанта Пахомова о том, что мы должны «покрепче уважать друг друга, если мы есть такой замечательный и всеобщий народ». К этому постоянно нас призывают наша партия, товарищ Сталин, весь строй нашей творческой жизни.

Фашистский бред Черчилля

Ванда ВАСИЛЕВСКАЯ

Снова донесся до нас голос Уинстона Черчилля. На этот раз он произнес речь на конференции консервативной партии в Лландидно.

Английские карикатуристы часто рисуют Черчилля в виде бульдога. Действительно, он не только лицом напоминает это милое создание. В выступлении английского деятеля больше лая, чем человеческих слов. Минутами рычание перемежается сентиментальными слезками, чтобы тотчас же перейти в захлебывающийся лай.

Жажда войны снедает Черчилля. Сама мысль о том, что мировые проблемы можно разрешить без вооруженного конфликта, наполняет все его существо дикой старческой злобой. Он с восторгом возвещает о том, что «Соединенные Штаты перевооружаются в огромных масштабах», что «Франция, Бельгия и Голландия напрягают все усилия для создания фронта сопротивления на западе под нашим (т. е. британским. — **В. В.**) руководством и при необходимой американской помощи».

Однако Черчиллю кажется, что этих государств еще мало. Он роняет сентиментальную слезинку над участью Германии. Он выражает надежду на то, что «Франция и Германия прекратят свой тысячелетний спор» и Франция «вновь введет своего побежденного врага в семью и культуру христианства в Европе». Вот вам в качестве еще одного члена антисоветской коалиции — Германия.

Какую именно Германию имеет в виду Черчилль, совершенно очевидно из его глубокого сочувствия «старым немецким фельдмаршалам и генералам, которых подвергают новому тяжкому испытанию». «Новое тяжкое испытание» — это суды над гитлеровцами. Прекращения этих судов требует британский государственный деятель. Каковы же были прежние «тяжкие испытания» этих генералов и фельдмаршалов, возбуждающих сочувствие Черчилля и его жалость? Применение ими ядовитых газов против французских войск в шестнадцатом году? Или их верная служба Гитлеру? Руины Сталинграда, залитые кровью Украина и Белоруссия, Польша, превращенная в огромный концентрационный лагерь, миллионы убитых, замученных женщин и детей?.. Ведь все это было делом рук именно этих «старых фельдмаршалов и генералов».

Черчилль выдвигает «решительное требование: забыть о прошлом». Забыть о прошлом, о кровавой катастрофе, в которую вверг Европу фашизм. «Старые фельдмаршалы и генералы» могут еще пригодиться — они достаточно проявили свои способности палачей и убийц.

Но во имя чего господин Черчилль хочет вести войну? Оказывается, во имя защиты демократических свобод. Подумайте только, сколько доброты и гуманности таится в этом с виду столь черством сердце!

Черчилль пускается в пространные восхваления «свободной и легкой демократической жизни», какая будто бы царит в Англии и Америке. Что сказал бы об этой «легкой жизни» английский рабочий, ютящийся в норах Уайтчепеля и голами ищущий работы? Это его выбрасывают из молстовую, избивают полицейскими дубинками на собраниях, а когда он и его товарищи осмеливаются протестовать, — их встречают пулями. Что сказал бы фермер, которого изгоняют с обработанной им земли за несвоевременное внесение арендной платы, или негр, которому в «свободной» Америке на каждом шагу угрожает смерть. Не услышим мы слов о «легкой демократической жизни» и от любого рядового американского гражданина, вечно дрожащего от страха перед завтрашним днем.

Впрочем, сам Черчилль, видимо, для того, чтобы ни у кого не осталось никаких сомнений, тут же любезно раз'яснил, как он понимает свободу и демократию.

— Единственно верное, сильное и успешное средство для защиты прогресса — это атомная бомба. Если бы Соединенные Штаты уничтожили свой запас атомных бомб, «они были бы повинны в уничтожении человеческой свободы»...

Одним словом, символ мира и прогресса — это атомная бомба. Вместе со всем тем, что она с собой несет. В этом циничном откровении — истинный смысл разглагольствований Черчилля о человечности и человечестве, о демократии и свободе.

К счастью, Черчилль милостиво оставляет нам одну «лазейку». Есть выход, которым мы можем воспользоваться. Его предложения, конечно, выдержаны в бульдожьем стиле и бульдожьей терминологии.

Наша страна должна безоговорочно согласиться на требования американского империализма и его лейбористских и консервативных лакеев в Англии. К чему же сводятся эти требования?

Прежде всего мы должны прекратить дружеские отношения со странами новой демократии. Эта дружба давно вызывает ярость у Черчилля и ему подобных. Англо-американским экспансионистам хочется эксплоатировать народы Восточной Европы так же, как эксплоатируются «страны Маршалла». Но Варшава, восстающая из руин при помощи Советского Союза, никогда не поменяется участью с Афинами, которые под высоким покровительством Англии и Америки превращены в одну большую тюрьму!

Черчилль, как политический оратор, всегда отличался особо крикливой и насквозь лживой фразеологией, а также полнейшим отсутствием вкуса. Но на этот раз он превзошел самого себя. Этот заядлый империалист выдвинул требование, чтобы мы «перестали интересоваться Малайей, Кореей, Индонезией». Сам того не подозревая, он попал в смешное и жалкое положение. Подобно щедринскому градоначальнику, который одним росчерком пера закрыл Америку, Черчилль пытается об'явить несуществующим национально-освободительное движение в колониальных странах. Оказывается, все это лишь «происки» вездесущих коммунистов.

Мы должны прекратить пропаганду...

Вспоминается история, которую мне рассказывал капитан одного советского корабля на Черном море. Однажды, еще до войны, он разговорился в английском порту с английским морским офицером. Тот сказал, что британские власти потому так неохотно позволяют высаживаться советским морякам, что они «тотчас начинают вести пропаганду». Тогда наш капитан спросил:

— Скажите, кто у вас стоит во главе государства?

— Король.

— Кому принадлежат фабрики и шахты?

— Фабрикантам и крупным банкам.

— Кому принадлежит земля?

— Помещикам.

— Есть у вас безработные?

— Да.

— А теперь скажите мне, все, что вы мне сообщили, это — пропаганда?

— Как так, это же факты! — удивился английский моряк.

— Хорошо, а если я на те же вопросы отвечу в соответствии с истиной, что у нас в стране правит народ, шахты и заводы являются собственностью народа, земля — собственностью крестьян, что у нас давным давно нет ни одного безработного, — это будет пропаганда?

— Разумеется!

— Но ведь это же факты!..

Английский моряк не смог разобраться в проблеме «пропаганды». Но мы прекрасно знаем, что само существование социалистического государства является для господина Черчилля и его друзей весьма неприятной пропагандой.

Впрочем, все эти «условия» господин Черчилль ставит лишь так, для виду. Самое большое огорчение для него — это возможность мирного урегулирования спорных вопросов. И «гордый бритт», представитель Британской империи, которую он в своей речи славословит, одновременно совершенно по-бульдожьему ластится и ползает на брюхе перед Соединенными Штатами. Он заискивает перед Вашингтоном, ибо британский лев одряхлел и не способен везти колесницу войны, а США владеют секретом атомной бомбы. Черчилль отстаивал замену Организации Об'единенных Наций англо-американским союзом, создание Соединенных Штатов Европы. Недаром Черчилль в свое время писал в журнале «Лайф», что он «хотел бы быть американцем»...

Фашистский бред Черчилля — продукт не только его собственных «идей». Это идеи коалиции консерваторов и правых лейбористов. Именно поэтому Черчилль без конца и края восхваляет лейбористское правительство за его внешнюю политику и призывает свою партию изо всех сил его поддерживать. Трогательная гармония между вождем консерваторов и английскими «социалистами»!

Не слишком изысканные выражения, к которым прибегает Черчилль в своем выступлении, дают и мне право напомнить одну украинскую, тоже не слишком изысканную, но зато мудрую поговорку: «Не дал бог свинье рога, а то она бы весь свет перерыла». Господину Черчиллю не удастся «перерыть весь свет», как бы ему этого ни хотелось.

Ку-клукс-клан вербует детей

Это фото сделано в Стоун Маунтин (США) на церемонии посвящения 70 детей в ряды фашистской организации Ку-клукс-клан. Двое «посвященных», одетые в ку-клукс-клановские балахоны, сфотографированы с главарем организации — «великим драконом» Сэмуэлем Грином.

ФАКТЫ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

БУДУЩИЙ МАНЬЯК

Американская печать, уделяющая много места описаниям различного рода преступлений и на все лады смакующая их детали, оказывает пагубное влияние на юношество. Известный американский врач-психиатр Вертам в одной из своих статей на эту тему рассказывает о следующем факте. Американского школьника спросили: кем он хочет быть, когда вырастет. Подросток, не задумываясь, ответил: сексуальным маньяком.

«ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ» ОБХОЖДЕНИЕ

Держиморды из нью-йоркской полиции, получив сообщение об ограблении в районе Седьмой авеню, выехали на место происшествия. Увидав там двух стоявших на тротуаре темнокожих людей, они немедленно сбили их с ног, избили и утащили в полицейский участок. И только здесь жертвам столь любезного обхождения удалось пред'явить документы генерального консула и военного атташе Доминиканской республики.

ПРОДАЕТСЯ ДОЧЬ

В ряде газет в штатах Вайоминг, Айдахо и Монтана (США) появилось об'явление пятидесятитрехлетнего Джорджа Мартина, предлагающего свою девятнадцатилетнюю дочь в жены тому, кто уплатит за нее 7000 долларов. Свое предложение Мартин об'ясняет безвыходным материальным положением.

ВОСПИТАНИЕ САМУРАЕВ

Четыре учителя из префектуры Ямагата (Япония) систематически избивали учащихся за «недостаточное усердие» или «слабый интерес к занятиям по атлетике». Как сообщает газета «Майници», из 315 мальчиков, получивших побои, 42 вынуждены были обратиться за медицинской помощью. Избиения происходили по старому «самурайскому» способу, применявшемуся до войны: учителя заставляли мальчиков становиться на колени и бить друг друга по лицу и голове.

Леонид ЛЕОНОВ

ОГНЕВОЙ ТАЛАНТ

Посмертная выставка произведений Василия Сварога

Иногда бывает, что на посмертной выставке произведений того или иного мастера ясно видишь, как рано ушел художник из жизни и как много мог он еще сделать.

Такое ощущение испытывает посетитель посмертной выставки В. С. Сварога.

Я хорошо знал Сварога, еще будучи на школьной скамье, — знал по его многочисленным иллюстрациям в «Солнце России», «Ниве», «Аргусе» и других журналах того времени.

В детстве я думал, что непременно буду художником, и меня всегда обольщала яркая манера Сварога — его своевольный карандаш, уверенность рисунка, своеобразие в решении живописных и сюжетных задач. Подкупает репинская свежесть и острота, присущие его творчеству. Великий русский художник высоко ценил и любил Сварога. Одно из писем к нему Илья Ефимович закончил словами:

«Ваш, многовосхищенный огневыми чертами Вашего таланта, поклонник и любящий скромность Вашей доброй души — невыразимо».

Со Сварогом я познакомился гораздо позже, чем с его работами. И он очень пришелся мне по нраву. Веселый рассказчик и собеседник, превосходный певец и музыкант, в жизни он был так же талантлив, как в творчестве.

Слушая его пение, я понял, что живописное искусство для него, как и песня, — это тот воздух, которым он дышал. И потому так органично входили они в его жизнь.

В художественных кругах имя Сварога пользовалось большим уважением, но страна все же недостаточно знала его произведения, они заслуживают большего внимания, большей славы.

Принято было считать, что Сварог — отличный мастер акварели. Посмертная выставка наглядно показала, что этим далеко не исчерпывается творческий диапазон этого мастера. Его творчество отмечено богатством жанров, широтой кругозора.

Портреты его кисти отличаются безупречным сходством, мастерством, свойственным лишь выдающимся современным живописцам.

Тонко и точно чувствовал Сварог пульс своей страны, ритм ее кипучей созидательной жизни. Быстро и темпераментно, в самых разнообразных формах — от газетной композиции до большого полотна — откликался он на события современности. Общеизвестны его картины «Штаб Октября», «Доклад тов. И. В. Сталина на VIII Чрезвычайном с'езде Советов о проекте Конституции», «К. Е. Ворошилов и А. М. Горький в тире ЦДКА», «В. И. Ленин и И. В. Сталин в Горках», портреты товарищей Сталина, Ворошилова, Куйбышева. Талантливо проиллюстрировал он книгу К. Е. Ворошилова «Сталин и Красная Армия». В ряде картин и рисунков Сварога запечатлена индустриальная мощь СССР, гигантское строительство по планам сталинских пятилеток.

Сварог прошел длинный творческий путь: первые его работы относятся к 1902 году, последние — к 1942 году. Они, может быть, на разных уровнях мастерства, но все одинаково искренни, горячи.

Сварог по-настоящему любил нашу советскую жизнь и честно служил ей своим искусством.

К. ЗЕЛИНСКИЙ, Е. КОВАЛЬЧИК

СНОВА О ПЕРЕЛЕТНЫХ ПТАХАХ

В Риге вышла книга В. Ардаматского «Он об этом напишет», в которой автор задался целью изобразить идейную перестройку латышского интеллигента. Герой этой повести, латышский писатель Янис Криевиньш, — сначала в обстановке падения ульманисского режима, затем в период образования Советской Латвии, в годы гитлеровской оккупации ищет своего пути в жизни. Замысел автора — показать духовный рост интеллигента молодой советской республики, безусловно, интересен. Но, к сожалению, этот замысел получил в книге крайне примитивное и неверное решение.

На протяжении всей повести автор многократно возвращается к вопросу об отношении Латвии к России и о вековой ненависти латышского народа к немецким завоевателям. Герои повести, писатель Криевиньш, его учитель — профессор истории, непрерывно декларируют свою любовь к России. «Только великая Россия! — заявляет профессор истории. — Только русский народ мог понять нас, потому что наши народы по самой основе своего характера схожи друг с другом». «Что бы ни случилось, спасти нас может только Россия», — говорит, умирая, профессор. Или: «С нами теперь огромная и мощная Россия. Она нас выручит». — утверждает белоэмигрант, русский шофер. Но тщетно было бы искать в книге хотя бы намека на то, что речь идет о **советской** России, социалистическом государстве. Даже описывая приезд Криевиньша в Советский Союз, автор не находит нужным отметить хоть какие-нибудь реальные признаки советской жизни.

Более того, советскую страну он рисует так, что кажется, будто это пишет журналист чужой страны. Вот, например, что видит Криевиньш, когда он пересекает границу Советского Союза: «Проехали какой-то город, — мокрый перрон, на котором находились люди, с любопытством рассматривавшие поезд, рядом с вокзалом, на грязной дороге стояла крестьянская телега, и возница рукавом армяка закрывал глаза лошади, шарахавшейся от поезда». Эти люди, с любопытством рассматривавшие поезд, возница в армяке и лошадь, шарахающаяся от поезда, уместны были бы в литературе первой четверти XIX века, в эпоху, когда в России только появились железные дороги.

Ничего не увидел Янис и в советской столице. Но кульминации В. Ардаматский достигает в том эпизоде своей повести, где он заставляет одного «известного советского писателя» раз'яснять латышскому писателю, в чем счастье советских людей. Этот писатель хочет об'яснить Криевиньшу, что советские люди по-хозяйски относятся к жизни, и для этого приводит, как он сам говорит, «один, может быть, странный пример».

Вот что говорит «московский писатель»: «В прошлом году я построил себе дачу. Я сам выбрал участок, сам нарисовал чертеж дачи и сам работал вместе с плотниками. Все это доставляло мне громадное удовольствие. Даже жена принимала участие в строительных работах и тоже была увлечена...» Далее сей дачестроитель соболезнует об участи своего соседа, «тоже известного писателя», который арендует чужую роскошную дачу: «Я не променяю на все это то свое маленькое, скромное, что сделал собственными руками. Я с волнением слежу, как растут посаженные мною деревья, сейчас мы с женой копим деньги — хотим перекрыть дачу железом, сделать красивую обшивку и купить специальную дачную мебель. Во вторую очередь — построим гараж и другие необходимые в хозяйстве постройки».

Таким образом, трудовые подвиги советских людей у Ардаматского олицетворены в маленьком личном благополучия, стремлении к маленькому квартирному «счастьицу». «Те люди, которых вы видели на улице, — говорит он, — в какой-то степени похожи на меня в те дни, когда я строил дачу; мои руки тогда были в мозолях, пиджак — в известке, и я, как одержимый, ничем другим заниматься не мог, и ничто, кроме моей стройки, меня не интересовало. И виденная вами улица была похожа на мой строительный участок».

Автор не делает никакого различия между гитлеровцами и немецким народом в целом. Вообще, такие слова, как фашизм, гитлеровцы, в книге совсем не употребляются, идет речь о немцах, как о нации. «Паршивейшая нация жадных гордецов», — говорит «известный советский писатель». И нигде в повести Ардаматского это мнение не опровергается. Даже революционеров-подпольщиков, борцов за освобождение Советской Латвии Ардаматский наделил абстрактной неприязнью к немцам вообще, а не к фашизму и фашистам.

Все герои этой повести — даже те, которых автор считает положительными, — до крайности примитивны и духовно скудны. Главный герой Янис Криевиньш — человек пассивный, безвольный. В условиях гитлеровской оккупации Криевиньш лишь благодаря случайному стечению обстоятельств оказался автором двух листовок для подпольщиков. Обычное его состояние — полная неопределенность и расхлябанность воли. Этот книжный, неживой образ неверно изображает латышскую интеллигенцию.

Один из героев повести заявляет, что брат Криевиньша, глухонемой крестьянин-хуторянин Вилис, нанимающий для работы на своем хуторе батраков, «похож на всю нашу Латвию». Такое изображение Латвии и латышей грубо искажает облик народа.

В советской литературе есть прекрасная традиция своеобразного «обмена тематикой», когда писатели одной национальности правдиво изображают жизнь людей другой национальности, входящей в состав нашего Союза. Мы помним роман белорусского писателя Э. Самуйленка «Будущее» о Грузии, рассказы грузинского писателя К. Лордкипанидзе о Белоруссии, роман Ю. Либединского «Горы и люди» о кавказских народах. В нашей литературе такой интерес писателей к жизни других республик — одно из проявлений чувства дружбы и уважения советских народов друг к другу.

К сожалению, книга В. Ардаматского ничего общего с этой традицией не имеет. Она дает неверное, обывательское представление о советских людях и их борьбе, рисует их в мещанско-буржуазном духе. Весь «стиль» повести далек от уровня нашей советской литературы.

Общественность Латвии справедливо осудила эту книгу.

В. Ардаматский в соавторстве с В. Рудным в своем фельетоне «Перелетные птахи» («Литературная газета» № 30 за 1948 г.) предостерегал против излишней доверчивости, которая существует в республиканских организациях (в частности, в Латвии) к легкомысленным авторам, которые портят серьезные темы, компрометируют труд писателя. Предостережение хорошее, но оно должно быть распространено и на книгу В. Ардаматского.

В. Ардаматский. «Он об этом напишет». Латгосиздат, 1948, 156 стр.

А. ДЫМШИЦ

ПОРТРЕТЫ ХОЛОПОВ

Вот уже более ста дней в Берлине, не умолкая, кипят страсти.

Англо-американские агенты, засевшие в берлинском магистрате, лихорадят огромный город, открыто призывая к кровавому террору против демократических общественных деятелей, организуя в западных секторах антисоветские митинги и демонстрации.

Нельзя сказать, что берлинские холопы Вашингтона и Лондона сумели увлечь своей фашистской пропагандой широкие слои населения города: их митинги немногочисленны, демонстрации жидковаты, тогда как выступления трудящихся, направленные против реакционной политики магистрата и подлой деятельности поджигателей войны, проходят при участии десятков тысяч берлинцев. Однако «героев» антидемократического похода это не смущает: недостаток популярности они возмещают шумихой, трескучими провокациями, уже приведшими к кровавым столкновениям в августе (у Потсдамской площади) и в сентябре (у Бранденбургских ворот).

Кто же эти немцы, эти неофашистские негодяи, на которых сделали ставку представители англо-американской и французской реакции в Берлине? Попытаемся беглыми штрихами набросать «портреты» некоторых из них.

Турецкий «профессор»

В шайке немецких наемников англо-американских империалистов видную роль играет Эрнст Рейтер, один из столпов правой социал-демократии в Германии. У этого лжесоциалиста и лжедемократа за плечами большой опыт измен и предательства народных интересов.

В 1919 году Рейтер прикидывался коммунистом, а в 1922 году уже работал у Фридриха Штампфера в газете «Форвертс», в центральном органе правой социал-демократии. В 1931 году он стал обербургомистром в Магдебурге, этой цитадели правых социал-демократов, и столь активно расчищал, пользуясь своим положением, дорогу гитлеровцам, что те, придя к власти, и не подумали подвергнуть его каким-либо репрессиям.

Прожив при Гитлере два года в Германии, Эрнст Рейтер уехал в Турцию, где некоторое время разыгрывал роль «антифашиста-эмигранта». Но он был в Анкаре не немецким эмигрантом, а немецким агентом. Об этом красноречиво свидетельствует то обстоятельство, что мнимый эмигрант не был лишен немецкого гражданства и аккуратно посещал посольство фон Папена, где его паспорт регулярно «украшали» печатью третьей империи с орлом и свастикой. По собственному признанию, Рейтер не занимался в Турции антифашистской работой, а «ограничился реорганизацией свалочного транспорта», за что и получил турецкую «профессуру»...

После войны этот «профессор по свалочному транспорту» вернулся в Германию и быстро нашел общий язык с берлинским наместником генерала Клея — полковником Хаули. Рейтер сделался советником (от социал-демократии) берлинского магистрата и сразу же повел яростную антисоветскую и антидемократическую политику.

Этот «социалист» оказался весьма воинственным защитником капитализма. В демагогических речах, выдержанных в манере Гитлера — Геббельса, Рейтер позволяет себе даже военные угрозы по адресу Советского Союза. Воспевая «успехи» американского «воздушного моста», он вызывающе заявил: «Я хочу надеяться, что не только мы понимаем язык этих самолетов, но что имеются и другие люди, которые поймут этот язык прежде, чем это окажется для них слишком поздно».

«Макиавелли из магистрата»

Это определение, повидимому, в порядке комплимента, преподнесла одна реакционная газета доктору Фердинанду Фриденсбургу, бургомистру города Берлина. Определению нельзя отказать в меткости. Фриденсбург великолепно усвоил умение прятать истину за лицемерными фразами и своевременно уходить в кусты.

Многолетний сподвижник и советник гитлеровцев, он сумел после разгрома Германии прикинуться чуть ли не антифашистом. По образованию Фриденсбург — юрист и горный инженер. В 1936 году он написал сочинение о «природных богатствах, как международно-политических и военных факторах», не оставляющее сомнений в фашистском характере взглядов автора. Через несколько лет, выполняя задание гитлеровского генерала Томаса, он состряпал для министерства вооружения «исследование» о положении с сырьем в Германии. Затем он разработал проект использования угольных копей Индии, который гитлеровский агент и предатель индусского народа Субха Чандра Бос увез летом 1943 года на самолете из Берлина в Токио. Наконец, выпущенное им пухлое издание, посвященное сырьевым источникам в Европе, также откровенно служило империалистическим целям заправил «третьей империи».

И все же Фриденсбург не только сумел уйти от ответственности за сотрудничество с фашистами, но предстал перед берлинцами едва ли не в качестве «жертвы фашизма».

Агент гестапо

Карл Губерт Швенннке — депутат берлинского городского собрания, лидер западно-берлинской фракции либерально-демократической партии — любит подчеркивать, что он является не простым, а дипломированным инженером.

Мы не видели диплома инженера Швенннке, но зато недавно имели возможность познакомиться с опубликованным в печати оригинальным документом, относящимся к его персоне, тоже своего рода «дипломом». Это — секретное отношение, вышедшее 29 марта 1944 года из недр главного штаба гитлеровской армии и касающееся вопроса о «саботаже иностранных рабочих». В этом послании говорится о необходимости на заводах усилить надзор и в числе «особенно подходящих и проверенных» агентов гестапо называется... К. Швенннке, инженер заводов Сименс.

Итак, «либерал» Швенннке — не только бывший член гитлеровской партии, но и гиммлеровский шпион. Уличенный документально, он должен был бы, покинув городское собрание, сесть на скамью подсудимых. Однако вместо повестки в суд Швенннке получил от своих высоких покровителей еще один «диплом»: лицензию на право издания еженедельной газеты.

Из агента тайного он превратился в агента явного.

Предатель со стажем

Доктор Отто Зур является председателем берлинского городского собрания.

В догитлеровские времена он был советником по экономическим и юридическим вопросам в так называемых «Свободных профсоюзах». Гитлеровцы знали цену социал-демократам: они казнили тех, кто стал на путь борьбы с кровавым фашистским режимом, бросали в концентрационные лагери «опасных», но дали пенсию Носке и оставили на работе «безопасных». Отто Зур находился в числе последних.

После падения гитлеризма доктор Зур возобновил профсоюзную деятельность. Он стал добиваться создания профсоюзов, полностью подчиненных социал-демократической партии. Поэтому он повел раскольническую работу против «Об'единения свободных немецких профсоюзов», принял активное, руководящее участие в создании так называемой «независимой профсоюзной организации» — профсоюзного филиала социал-демократической партии, повсеместно поддерживаемого англо-американцами.

Для достижения своих подлых целей Зур не брезгует ничем: он ведет открытую борьбу с трибуны магистрата, работает подпольно, готовя кадры хулиганов-провокаторов для антикоммунистических демонстраций, использует прессу и митинги для погромных призывов.

Он получает инструкции не только от руководства партии: Зур свой человек в штабах американского и британского комендантов. Здесь его ценят за исполнительность и ловкость, с какой он предает народные интересы. Почти в таких выражениях отстаивает господина Зура от критики со стороны демократического лагеря его патрон, полковник Хаули на своих пресс-конференциях.

Наместник Курта Шумахера

Франц Нейман, руководитель берлинских социал-демократов, посланец «самого» Шумахера в Берлине, любит рядиться под «пролетария» и всюду и везде подчеркивать, что некогда он был слесарем.

Нейман выдвинулся весной 1946 года: Шумахер обратил на него внимание, как на одного из самых остервенелых противников единства рабочего движения. В награду за предательство рабочих интересов он стал председателем партии.

Быстрая карьера вскружила Нейману голову, у него появились повадки диктатора. Когда социал-демократический обербургомистр Берлина доктор Островский не удовлетворил Неймана тем, что не занял прямой антисоветской позиции, «фюрер» правых социал-демократов устроил путч в магистрате и добился отстранения Островского. Все это было проделано в манере развязной и наглой, с жестами и фразеологией, сильно напоминавшими Гитлера. «Этот слесарь всего лучше орудует дитрихом» (по-немецки означает то же, что по-русски — фомка, т. е. отмычка. — **А. Д.**), — сказал один из журналистов в кулуарах магистрата в связи с поведением Неймана.

В последнее время Нейман обратил свою энергию на сколачивание банд из растленной гитлеровцами молодежи. Он прямой виновник демонстрации 9 сентября.

* * *

Такова эта шайка социал-демократических прохвостов, верой и правдой служащая ныне англо-американской разведке. От'явленные фашисты, провокаторы, преступники — они гнусны и гадки.

БЕРЛИН.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИГИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ, Л. ШАУМЯН.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информации — К 3-19-30, отдел писем — К 0-62-91, издательство — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б—02184.